

ПУБЛИКАЦИИ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2022), 95–134
© The Author(s) 2022

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2022), 95–134
©Автор(ы) 2022

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-3-77-95–134

ТРЕТЬЯ ЭПИТАФИЯ С ГОРОДИЩА АРТЕЗИАН В КРЫМСКОМ ПРИАЗОВЬЕ

Н.И. Винокуров¹, В.П. Яйленко²

¹Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

²Независимый исследователь, Москва, Россия

¹E-mail: vinokurovn@list.ru

²E-mail: valeryjailenko@gmail.com

¹ORCID: 0000-0001-7787-6527

²ORCID: 0000-0001-7787-6527

Аннотация. В 2021 г. на раскопе III городища Артезиан обнаружено третье известняковое надгробие с эпитафией в фундаменте башни 2 поздней цитадели. Она найдена северо-восточнее второй эпитафии и близка к ней по хронологии и происхождению. Они были перемещены с некрополя сразу после гибели ранней цитадели в римско-боспорской войне 44/45–49 гг. н.э. Плита обломана с торцов, находилась лицевой стороной вниз, строго горизонтально на другой хорошо обработанной плите, но без надписи и рельефа. Кроме надписи сохранился и рельеф со сценой предстояния вооружённого всадника перед сидящей в кресле женщиной. На лицевой стороне сохранились четыре строки текста эпитафии. Эпитафия дополняет новыми греческими и варварскими именами именник военных поселенцев ранней цитадели.

Ключевые слова: Боспорское царство, городище Артезиан, эпитафия, рельеф «всадник и сидящая женщина», первая половина I в. н.э.

Данные об авторах: Николай Игоревич Винокуров – доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков им. В.Ф. Семёнова, директор Центра археологических исследований МПГУ, ведущий научный сотрудник Центра египтологических исследований РАН; Валерий Петрович Яйленко – доктор исторических наук, профессор, независимый исследователь.

Археологический раздел (1) написан Н.И. Винокуровым, эпиграфический и о рельефе (2–3) – В.П. Яйленко.

1. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

Раскопки античного городища Артезиан в Крымском Приазовье, которые ведутся планомерно на протяжении почти четырёх десятилетий, дали уже три находки лапидарных эпитафий. К найденной в 2000 г. стеле с рельефом и эпитафией Состибия (Первая артезианская эпитафия) в следующем году добавились еще две. Одна из них (Вторая артезианская эпитафия), найденная в полотне мостового перехода через ров ранней цитадели юго-западнее башни 2 поздней цитадели, опубликована в *ПИФК*, № 2 (2022). Здесь мы публикуем и другую стелу 2021 г. (Третью артезианскую эпитафию). Ранее на городище и некрополе был найден также ряд анэпиграфных надгробных стел. Как правило, они привязаны к определённым стратиграфическим слоям и объектам, которые хорошо датируются благодаря большому количеству точных хронологических индикаторов, прежде всего нумизматических материалов из реперных напластований пожара времени начала римско-боспорской войны 44/45–49 гг. (Тас. *Ann.* XII. 15–21), слоёв сейсмических разрушений и последующих перестроек фортификационных сооружений городища¹.

Стела с третьей эпитафией (2/2021; к.о. 127/2021) вмурована во внешний фас фундамента западной башни 3 поздней цитадели. Она находилась на 2,87 м северо-восточнее второй эпитафии, располагаясь заметно выше – на 1,22 м (рис. 1–4)². Всего на Артезиане обнаружено около двух десятков целых стел и их фрагментов, в основном они анэпиграфные (автор раскопок планирует уделить им отдельную работу). Находки разбитых или фрагментированных стел с надписями тяготеют на городище к нивелировочному слою, связанному с постройкой поздней цитадели при Котисе I (45–68 гг.)³. Стелы на городище обнаружены в центральной, самой возвышенной части городища в процессе исследования пространства, оконтуренного оборонительным рвом, под фундаментами башен и стен поздней цитадели или в их конструкции. Археологический контекст открытых лапидарных находок 2021 г., пусть и фрагментарно уцелевших между позднеантичными ямами и строениями, вполне однозначен, не искажён и не нарушен позднейшими перекопами и выборками камня⁴.

Место обнаружения. Стела находилась в фундаменте под западным внешним фасом цокольного ряда квадров башни 2 поздней цитадели (рис. 1–4). Верх стелы выявлен в фундаменте башни 2. Она высечена из серо-белого с желтоватым оттенком плотного известняка, размер 73/79 x 62 x 18 см. Она лежала на массивной, хорошо обработанной плите серо-белого плотного известняка, весом около тонны, без изображений или надписи. Стела с третьей эпитафией лежала строго горизонтально, как и стела со второй эпитафией, лицом вниз; уложена насухо, без раствора. Публикуемая эпитафия сохранилась значительно лучше эпитафии

¹ См. Винокуров 2002; 2003; 2004; 2010а; 2010б; 2013; 2018; 2019; Абрамзон и др. 2012, 93–146; 2014, 5–16; Abramzon et. al. 2012, 207–278; Сапрыкин и др. 2014, 134–162.

² Упомянем также находку фрагмента еще одной стелы, представляющий собой небольшой угловой скол декоративного рельефа надгробия (к.о. 65/2021) из плотного бело-серого известняка. На лицевой поверхности плиты эффектно выделялась часть декоративного украшения в виде пальметты, розетки или крыла, изящно высеченного в низком рельефе. Размер фрагмента: 10 x 6 x 4 см.

³ Винокуров 2019, 92–113.

⁴ Винокуров 2018, 89 и сл.

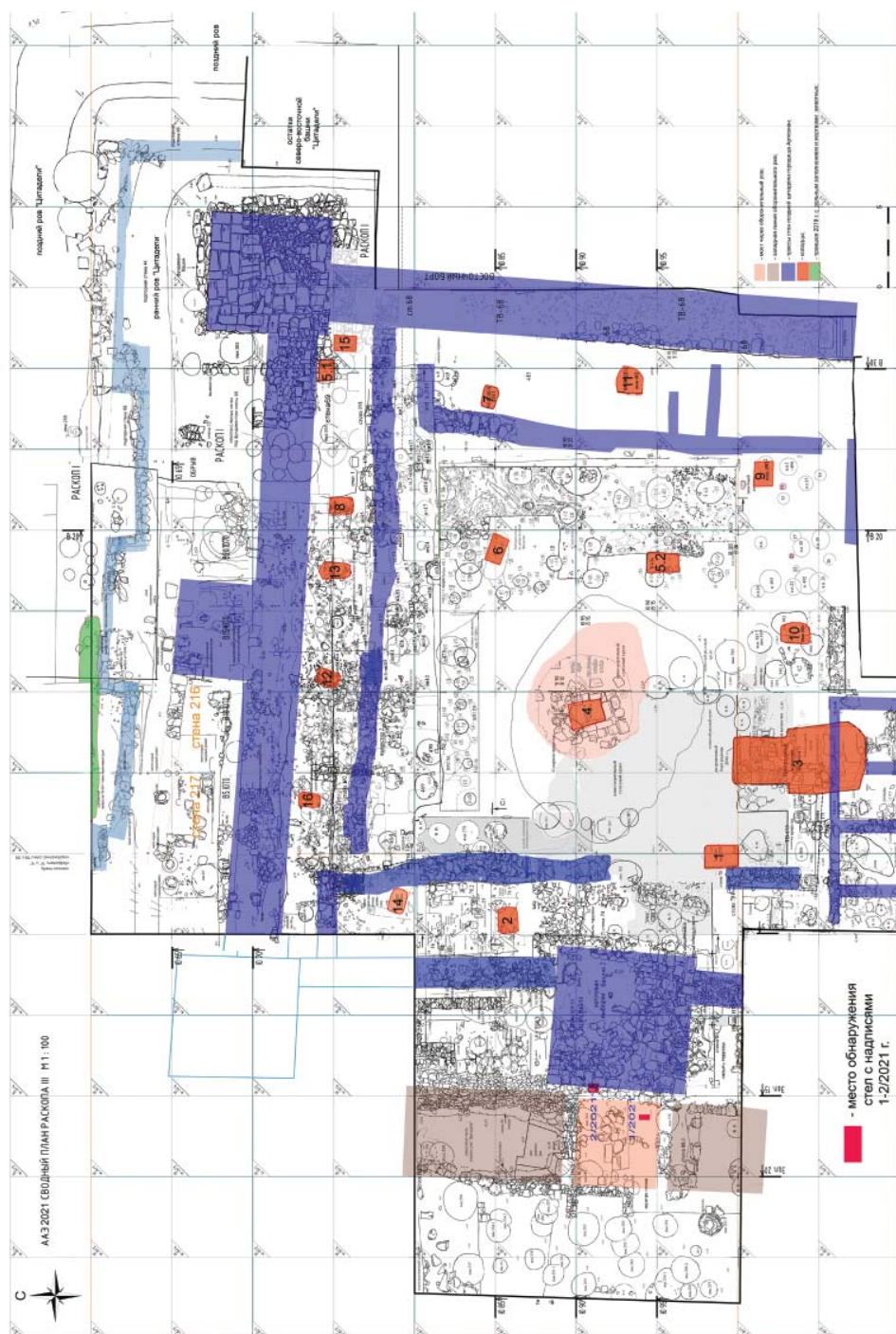

Рис. 1.1. Городище Артезиан. План-схема строительных остатков поздней цитадели. 2021 г.

Fig. 1.1. Artezian Settlement. Plan of building remains of the Late Citadel. 2021.

Рис. 1.2. Городище Артезиан. Раскопы I–III (2021) с указанием места находки надгробий 1–2/2021. Вид с С–В.

Fig. 1.2. Artezian Settlement. Excavation sites I–III (2021) showing the location of tombstones 1–2/2021. View from N–E.

1/2021: довольно неплохо на её лицевой стороне сохранились не только надпись, но и рельеф.

Датировка надписи по археологическим данным. Как и остальные надгробные памятники вторичного использования, она связана со строительным ярусом поздней цитадели. Раскопками установлено, что поздняя цитадель возведена при Котисе I на руинах ранней цитадели, погибшей в 46/47 г., в начальный период римско-боспорской войны 44/45–49 гг. Можно уверенно говорить, что надгробные стелы попали в нивелировочный строительный слой и фундаменты крепости непосредственно в ходе сооружения поздней цитадели, вряд ли позже 54 г. н.э. (при этом стены и башни поздней цитадели ещё не были полностью возведены). Эта дата устанавливается по монетам Котиса I из слоя строительного отёса, который образовался во время фортификационных работ. Следовательно, надгробные стелы были выломаны из погребальных комплексов некрополя городища после завершения тяжёлой и разорительной гражданской войны, осложнённой иноземной агрессией (через небольшой промежуток после гибели ранней цитадели, скорее, с момента пленения Митридата III, когда война была на исходе, а обстановка на Боспоре и вокруг него стабилизировалась). Таким образом, время укладки плиты с эпитафией в фундамент под цоколь башни 2 поздней цитадели приходится

на достаточно узкий хронологический диапазон между 49–54 гг. Это *terminus ante quem* для времени создания и второй, и третьей эпитафий.

Надгробные стелы Артезиана с рельефами и другими изображениями. Публикуемая стела, как и надгробный монумент Состибия, несет тот же рельеф с изображением сидящей в кресле женщины и предстоящего всадника. В целом на городище и некрополе Артезиан открыто пять стел с изображением всадников. Несколько обнаруженных ранее плит сохранили остатки тамг и других изображений, среди которых выделялись погребальные стелы со сценами предстояния вооруженных конных воинов перед сидящей в кресле женщиной (кто она – предмет дискуссии)⁵. Они похожи по сюжету, но не всегда одинаково стандартны по изображению. Более сложная для понимания артезианская плита (к.о. 1/2000) с монограммами, варварскими тамгами и остатками греческой надписи, относилась

⁵ Первая стела с изображением трёх всадников – Состибия, сына Диониса, и двух его сыновей Дисака да Падага – открыта во вторичном использовании в перекрытии гробницы 21/2000 (к.о. 88/2000).

От второй стелы (к.о. 166/2011) найден лишь фрагмент с изображением головы лошади. Она находилась в переотложенном слое пожара помещения 11 ранней цитадели, на границе с нивелировочным слоем. Судя по её размеру (8,7 x 3,5 см), размер рельефа и самой стелы мог быть довольно большим.

Третья стела с изображением всадников (к.о. 194/2012) обнаружена в нижней части нивелировочного слоя под фундаментом стены-перегородки 179/189 поздней цитадели. Сохранилась верхняя часть (81 x 44 x 19 см) с изображением в глубоком рельефе умершего в образе героизированного вооружённого всадника, предстоящего перед сидящей на резном кресле женской фигурой. Нижняя часть памятника с надписью утрачена. Всадник представлен слева, женская фигура – справа. Между ними изображён третий персонаж – в коротком подпоясанном хитоне (юноша?), в воинском плаще, слуга, родственник или соратник, который придерживал под узду лошадь всадника. Пропорции его тела вполне сопоставимы со всадником, это вполне самостоятельный персонаж. За его спиной на уровне головы изображен какой-то малопонятный предмет с завитком, возможно, деталь головного убора, причёски или оружия(?). Его правая рука находилась вдоль корпуса, левая согнута в локте, кистью на поясе. У правой ножки кресла угадывается оббитая фигурка служанки, которая в руках держит какой-то предмет. Правда, полной уверенности в этом нет, сохранность стелы плохая: за служанку можно принять и неумело изображённую складку ниспадающего женского одеяния. Стела датируется временем до 46/47 г. Она изготовлена в той же мастерской, что и первая. Всадники изваяны в развороте $\frac{3}{4}$, на спокойно стоящих, взнузданных лошадях, хорошо заметны элементы узды, складки одеяния, оружие (колчан, лук). Но композиция изображения представлена иначе, чем на стеле 2000 г.: богиня и служанка справа, а всадник – слева, развернут к зрителю правой стороной. Он без пики, его руки на холке лошади держат узду. Несмотря на сильные повреждения видно, что стелы высечены с известным мастерством, но не первоклассным ваятелем, с заметным схематизмом и искажением пропорций, типичным для надгробий этого периода. Для изготовления стел 2000 г. и 2012 г. использован сходный пласт известняка. Лица всех персонажей, как и морда лошади, намеренно сбиты. Стела располагалась вверх лицевой частью. Все остальные – наоборот, вниз. Интересно, что стела находилась в небольшом овальном углублении, борта которого выделялись тонким слоем белого известкового отеса.

Четвёртая стела всадников найдена в 2017 г. севернее – в золистом слое заполнения рва поздней цитадели. Сохранилась небольшая часть с изображением рельефа. Находка обнаружена в бутовом развале, севернее стены 209. Стела явно была извлечена из нивелировочного слоя при реконструкции цитадели при Савромате I. Она необычна и редка по сюжету, так как изображала двух скачущих вправо всадников. От рельефа сохранились задняя часть корпуса одной лошади (до горита); голова и часть ноги другой галопирующей лошади с высоко поднятыми двумя передними ногами, деталями узды, хорошей работы, из плотного мшанкового известняка, размером 41 x 24 x 17 см (к. о. 87/2017). На всех остальных артезианских стелах всадники стоят (см. Винокуров 2002, 70–86). Датировка фрагмента надгробия 2017 г. вряд ли выходит за пределы середины I в. н. э.

Рис. 2.1–2. Городище Артезиан. Западный фасад башни 2 поздней цитадели до и после работ 2021 г. На переднем плане позднеантичные ямы, прорезавшие мостовой переход с дренажным каналом через оборонительный ров ранней цитадели. Западная часть раскопа III 2021 г. Вид с Ю–З.

Fig. 2.1–2. Artezian Settlement. Western facade of Tower 2 of the Late Citadel before and after works in 2021. In the foreground there are late antique pits that cut a bridge with a drainage channel through the defensive moat of the Early Citadel. Western part of excavation site III. View from S–W.

Рис. 2.3–4. Западный фасад фундамента и цоколя башни 2 поздней цитадели (2021 г.). Западная часть раскопа III. Вид с Ю–З.

Fig. 2.3–4. Western façade of the foundation and plinth of Tower 2 of the Late Citadel (2021). Western part of excavation site III. View from S–W.

Рис. 3. Раскоп III. Место находки стелы 1/2021 на мосту через оборонительный ров и стелы 2/2021. Вид с северо-востока. 2021 г.

Fig. 3. Excavation site III. The place where stele 1/2021 was found on the bridge over the defensive ditch, and stele 2/2021. View from N-E. 2021.

Рис. 4. 1-2. Место находки стел 1-2/2021 (к. о. 127-128/2021) в полотне мостового перехода через оборонительный ров ранней цитадели. Вид с юго-востока (1) и юго-запада (2), до и после извлечения стелы 1/2021 и выборки ям. Раскоп III 2021 г. Городище Артезиан. Ленинский район РК.

Рис. 4.1–3. Западный фасад фундамента и цоколя башни 2 поздней цитадели в процессе расчистки надгробия 1/2021 г. Западная часть раскопа III. 2021 г. Вид с Ю–З.
 Fig. 4.1–3. Western façade of the foundation and plinth of Tower 2 of the Late Citadel in the process of clearing the tombstone 1/2021 Western part of excavation site III. View from S–W. 2021.

к строительным или посвятельным документам⁶. Она открыта в перевернутом на лицевую сторону виде во вторичном использовании в кладке облицовки оборонительного рва рядом с северо-восточной башней 1 поздней цитадели. Что касается обнаруженных целых стел и их отдельных частей на городище и некрополе, то их достаточно много, – около двух десятков, но из них с остатками надписей – всего три. Стела с хорошо сохранившейся первой эпитафией найдена в 2000 г. на северо-восточном некрополе в могиле I–II вв. н.э., во вторичном использовании. Стелы со второй и третьей эпитафиями обнаружены в 2021 г. в западной части поздней цитадели. Важно отметить, что все находки разбитых или фрагментированных стел с надписями, которые найдены на городище, тяготеют к нивелировочному слою, связанному с постройкой поздней цитадели Котиса I⁷.

Надгробные стелы Артезиана свидетельствуют о крепких семейных и клановых узах эллинизированных жителей, религиозных предпочтениях, которые находились в рамках боспорских погребальных религиозных традиций. Их эпитафии сообщают нам новые имена военных поселенцев и их близких родственников, насельников одной из боспорских крепостей рубежа нашей эры – первой половины I в. н.э., прикрывавшей подступы к столице Царства – Пантикапею. Местные жители имели полиэтническое происхождение и занимались, как показывают археологические данные, сельским хозяйством, промыслами, ремёслами, добычей полезных ископаемых, изготовлением черепицы и других строительных материалов. Но основное их занятие – воинская служба в конных и пеших подразделениях царского войска, как и довольно значительный уровень материального достатка, – сомнений не вызывают. При вторичном использовании надгробных стел на городище Артезиан, обращает на себя внимание устойчивое стремление строителей новой крепости, воздвигнутой Котисом I на руинах сожжённой ранней цитадели, переворачивать их вниз лицевой частью и намеренно разбивать. Они как-бы ограждали внешний периметр фортификационных сооружений новой крепости. По-видимому, такое действие не случайно. Вполне допустимо, что подобная символическая практика могла преследовать религиозно-магические цели и была связана с религиозными обереговыми представлениями новых обитателей крепости.

2. ЭПИГРАФИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

Сразу под нижней гранью выемки для рельефа сделана четырехстрочная эпитафия (рис. 5,1–2). Сначала проведены тонко гравированные линейки, их пять, они равномерно следуют одна под другой; между строками расстояния нет, они следуют вплотную одна под другой, так что нижняя линейка стк. 1 является одновременно верхней линейкой стк. 2. Высота первой линейки 3,3 см, второй 3,9–4 см, третьей 3,6 см, четвертой 3,9–4 см. Высота прямых букв (М, П, К) соответствует высоте строки, круглые буквы (О, С) немного меньше. Общая высота эпиграфического поля 16,2 см; текст следует от одной боковой грани до другой, так что ширина поля – это ширина стелы (56–57 см), за исключением небольших боковых бордюров в 22–23 мм слева, 22–30 мм справа. Письмо плотное, буквы

⁶ Это посвятельная или строительная надпись, которая в древности была вмурована в стену. Её размеры – 80/88 x 81,2 x 28,6–31 см. См.: Винокуров 2004, 79–88; Винокуров, Чореф 2021, 207–218.

⁷ Винокуров 2019, 92–113.

Рис. 5.1. Лицевая часть надгробной стелы 2/2021 с четырёхстрочной надписью.
Fig. 5.1. The front part of the tomb stele 2/2021 with a four-line inscription.

отделены друг от друга минимальными расстояниями. Это обусловлено наличием на плите рельефа, на который пришлась основная часть её лицевой поверхности; ниже эпиграфического поля оставлено бланковое пространство высотой не менее 15–16 см для вставки плиты в базу. Резчик уместил весь текст эпитафии в три строки, поэтому заключительное слово «прощайте» расположил посередине стк. 4.

Сохранность текста более-менее удовлетворительная. В трех первых строках по 15–16 букв, в последней обычная прощальная формула ΧΑΙΡΕΤΕ. Эпитафия построена по редкой среди боспорских надгробий схеме, засвидетельствованной в I в. н.э.: имя-отчество покойного, слово γυνή «жена» + её имя, связка καὶ υἱοὶ

Рис. 5.2. Надпись надгробной стелы 2/2021.

Fig. 5.2. Gravestone inscription 2/2021.

Рис. 6. Эпитафия Состибия и сыновей.

Fig. 6. Epitaph of Sostibios and sons.

«и сыновья» + их имена (КБН 442, 449, 527, 995); при этом все элементы схемы представлены лишь в КБН 527, 995 из Пантикапея и Фанагории (в двух других нет патронимика покойного)⁸. Для примера приведем фанагорийскую эпитафию КБН 995: Ἀπολλώνιος Ἀγαθοῦ καὶ γυνὴ Μεγίστη καὶ υἱὸς Χρηστοῦς, χαῖρε «Аполлоний, сын Агафа, жена Мегиста и сын Хрестус, прощай». В стк. 1 эпитафии из Артезиана хорошо читается патронимик отца – Μαῖανακου. Это иранское имя, его основа *maia-* отражает иранское *mauā-* «дружественный, счастливый» (представ-

⁸ Отметим качественность датировок в КБН, их давали отличные знатоки лапидарной палеографии Боспора А.И. Болтунова и Т.Н. Книпович, которые хорошо описали ее в эталонной статье 1962 г.

лено в именах II–III вв. н. э. Μαῖα-κος, Βατορ-ματο-ς из Ольвии⁹. Возможна и среднеиранская форма типа среднеперс. *mauān-*, классич. перс. *miuān-* < древнеиран. **madyāna-* (авест. *maīduyāna-*) «середина, средний»¹⁰. В первом случае в Μαῖανακος основа наращена двойной суффиксацией -анака (ср. парфянский суффикс -ānag), т. е. с суффиксами -an- + -aka, они служат для образования существительных и прилагательных. Во втором случае один суф. -aka.

В начале стк. 1 сохранились первые 4 буквы имени покойного – ΟΜΨΑ. До начала патронимика (т. е. до буквы Μ отчества Μαῖανακου) есть место для одной широкой буквы. Тут на одном из фото видна верхняя треть букв ΤΙ, что позволяет читать не засвидетельствованное имя Ομψατις в звательном падеже – Ομψα[τι] (личные имена и термины родства употребляются в боспорских эпитафиях равным образом в номинативе или вокативе, иногда то и другое вместе). В боспорских надписях несколько раз упоминается имя Ομψαλακος (КБН 61, 478, 479, 947, 1260, 1262, 1264 1282, 1285, I–III вв. н. э.), в Ольвии Ουαμψαλαγος (IOSPE I² 103, III в. н. э.), этническая принадлежность имени неизвестна¹¹. Имя Ομψα- эпитафии из Артезиана содержит ту же основу. Стало быть, Ομψαλακος то ли двухосновное имя, то ли основа его оформлена двойной суффиксацией: -λ+ак/γα. Последний суффикс распространен в иранском, особенно в среднеиранских языках¹², но λ-суффиксация в нем непродуктивна. Существенные данные о происхождении имени Ομψαλακος предоставляет его ономастическое окружение. Имя появляется в Пантикапее в I в. н. э. в скромных эпитафиях КБН 478, 479, где у одного Омспалака отчество неизвестного происхождения Σῖδανχα, а другой сын Сосигена и сестра его Ойнанта (оба имени греческие). Это означает, что происхождение одного или обоих сих Омспалаков неясное, но они быстро эллинизовались. Эллинизацию подтверждает и строительная надпись 127 г. из Пантикапея КБН 61, где у занимавшего некую существенную должность сына Омспалака греческое имя Трифон. Во II–III вв. н.э. Омспалаки сосредоточились в Танаисе, где силен иранский компонент населения, отсюда появление у них иранского имени. В списках имен II в.

⁹ IOSPE I² 97, 132. Zgusta 1955, § 80, 139. Bartholomae 1904, 1141.

¹⁰ Расторгуева, Молчанова 1981, 45. Может подразумеваться номинация сыновей по схеме «Младший», «Средний», «Старший», ср. греческие имена со значением «Средний» Μέσος, Μεσόλας (Pape, Benseler 1884, 905), ср. и персидские имена Хурдак «Младший», Калан «Большой, Старший» (Гафуров 1987, 155, 207). Это всеобщий тип номинации, обозначающий положение ребенка в семье, так что есть он у разных народов, к примеру, у татар и башкир Алегет «Первый», у среднеазиатских дунган – Лода «Старший», у дальневосточных удэгейцев – Лауда «Старший из братьев» (Крюков 1988, 27; Подмаскин, Старцев 1988, 213; Шайхулов 1991, 140). У почитаемого мусульманами имама Хусейна были три сына – старший Акбар, средний Авсат, младший Асгар; в арабском языке это формы превосходной степени прилагательных, соответственно *kabīr* «большой», *uṣūl* «средний», *saḡīr* «маленький» (Гафуров 1987, 53). Возможно и значение «посредник», например, в религиозном смысле (между богом и людьми): таков смысл прозвания Митры у персов Μεσίτης (Plut. Moralia, 369e, varia lectio μεσίτης – Pape, Benseler 1884, 905: Mittler).

¹¹ Zgusta 1955, § 315 (см. и Justi 1895, 233). Иранское объяснение С.Р. Тохтасьева (2013, 597): Ομψαλακος, Ο(υα)μψαλαγος < *Vam-sal-ak/g- < др. иран. *Vahma-saryaка, вероятное значение «Священный обетом». Профессиональный филолог обязательно объяснил бы, куда в этой «этимологии» подевалось омспалаково -р-, но самодельному иранисту Тохтасьеву не до таких мелочей. Внешне эта статья, как и прочие, выглядит солидно за счет большого ономастического материала и обильных ссылок на литературу, есть в ней интересные решения, но преобладает туфта. А его хамские высказывания по адресу замечательного оноματοлога Ладислава Згусты, так много сделавшего в числе прочего и для Северного Причерноморья, лишь усугубляют общее негативное суждение статьи.

¹² Среднеиранское состояние зарождается еще в IV–III вв. до н.э., входит в силу с рубежа эр.

КБН 1260, 1262 два Омпсалака с греческими патронимиками Трифонович, Теофилович, два других с иранскими – греч. Φίδα, Ουρύου; несомненно, танаисский Омпсалак Трифонович – сын пантикапейского Трифона Омпсалаковича 127 г. Это сходжение, а также одно и то же уникальное имя Омпсалак указывают, что все упомянутые лица – представители одного рода. Более того, рельеф Омпсалака Сидавхавича (рис. 16) такой же, как у артезианского Омпсатиса: сидящая в кресле женщина и предстоящий всадник. Если учесть, что такие рельефы – местный штучный товар, их известно всего 18¹³, то и артезианский Омпсатис определенно принадлежит к этому роду. В III в. н.э. известны ещё три Омпсалака, все иранизированы: у двоих из Танаиса отчество Фадинамович, у третьего из Феодосии сын Ахемен (КБН 947, 1282, 1285). Изложенное соответствует общим свойствам боспорского именника I–III вв. н.э.: в Пантикапее I в. ведущий этнический компонент, как и прежде, греческий, во II–III вв. в Танаисе сильно преобладает иранство. Далее мы выясним, что эпитафия Омпсатиса датируется I в. н.э., поэтому у этого рода не исключен иранский корень, но приведенные данные в целом указывают – имя Ομπσалаκος не обязательно иранского происхождения, можно и надо искать другие пути его объяснения.

Обратим внимание на употребительность в адыгских именах основ *пщы-* «князь» (Пщыбий и др.), *псэ-* «душа, дух» (Псэбыдэ, Псэмаф и пр.), *псы-* «вода, рыба» (Псымаф и пр.). Это объяснение самого трудного компонента -*ψα-* в имени Ομπσалаκος. Основное средство адыгского словообразования – словосложение. Второй основой этимона может быть, к примеру, прилагательное *лъагэ* «высокий»: *пщылъагэ* «высокий князь», *псэлъагэ* «высокая душа», «высокий дух» (в адыгском нет грамматического рода). К первой основе имени Омпсалак Ουαμ- / Ом- ср. имя 1умаф «будь счастлив» (в русской адаптации *Умаф*), его *φ-* уподобилось в греческой передаче губному следующего *пщы-* / *псэ-* и сократилось по гаплогологии двух соседних губных. Эти данные позволяют предположительно реконструировать основу личного имени **1умафпщылъагэ* «будь счастлив, высокий князь» (в общем таково значение имени Пщымаф «Счастливый князь») или **1умафпсэлъагэ* «будь счастлив, высокий дух / высокая душа»¹⁴. При наличии в адыгском языке до 60 согласных да при чрезвычайной ограниченности консонантных средств греческого алфавита – всего 15 согласных букв (диграфы ξ, ψ не в счет), на деле за древнегреческой передачей весьма специфических по фонологическому облику адыгских личных имен могут стоять самые разные формы. Адыгская гипотеза, видимо, в состоянии объяснить также соотношение форм Ομπσалаκος и Ομπσатис¹⁵. Впрочем, вопрос о сопряжении этих форм (τ одного при

¹³ Яйленко 2019, 149. О рельефе см. ниже раздел III.

¹⁴ Имена в императивной форме глагола свойственны адыгскому именнику, например, Теуцожь «Остановись», т. е. стань крепко на ноги! В адыгской фонетике знаком 1 (т. е. цифра 1) условно обозначается смычка на выдохе в абруптивах.

¹⁵ В адыгском консонантизме есть древние латеральные звуки *лъ*, *л1*, *л1ы* (Кумахов 1981, 213 сл.), весьма употребительные и в адыгской антропонимике. Это специфические звуки с разрывной смычкой, которая напоминает звук *t* иных фонетических систем, поэтому для передачи в других языках употребляется с призвуком *t*, т. е. вместе *tl* (в русском *тл*), например, имена нарттов и богов древности Лъэпщ, Лъэбыце передаются как Тлепщ, Тлябца, таковых множество (Коков 2001, 61–62, 129, 130, 178, 292, 361–362, 454), ср. и запись фамилии XIX в. Лъэгъунал1ыкъу = Лагунтлуков. Это представлено и в адыгских именах надписей I–II вв. н.э. из Горгиппии Γοσητλεις, Θχητλεις, Τλγο[–], Τλε[–] (Яйленко 2010, 179). По этой причине *лъ*, *л1*, *л1ы* могли восприниматься в неадыгской сре-

λ другого) может быть снят прочтением имени покойного Омψα[ει], резервиру-ем и его¹⁶. Обратим внимание также на отчество первого Омψалака КБН 478 Σιδανχα(ς), за ним тоже может стоять адыгский этимон – личное имя Шыудах, Сидакъ¹⁷. Пребывание адыгских племен на Северо-Западном Кавказе удостоверяется этнонимикой и гидронимией с V–IV вв. до н.э., а на Тамани-Фонтале, да в Восточном Приазовье с I в. н.э.¹⁸, отсюда и проникали адыгские переселенцы на Европейский Боспор и в Танаис.

Сохраненный текст стк. 2 ΚΑΙΓ.ΝΗ.ΑΣΑΚΑΙΥΙΟΥ[Ι] понятен по содержанию: первое καί добавляет к мужскому имени стк. 1 женское, на что указывает слово γ[υ]п и чему соответствует окончание жен. рода -ασα, второе καί добавляет имена сыновей, располагающиеся в стк. 3 (как сказано, формульное построение эпитафии предполагает в числе прочего слово γυνή «жена» + её личное имя)¹⁹. В данном случае после первого καί следует гамма слова γυνή (она хорошо видна на одном из фото), через одну утраченную букву сохранились правая вертикаль и верх левой буквы Ν, за нею левая вертикаль и перемычка буквы Η: перемычка не касается вертикалей и с обеих сторон украшена апексами в виде «птичек» (таков и средний язычок последнего эпсилона слова с[αίρετ]е в стк. 4). Итого, слово γ[υ]п^{3/4} тут вполне читается, и это означает, что искомое женское имя состояло из четырех букв, так что при -ασα утрачена лишь первая. Обратный словарь имен из греческих источников Б. Хансена дает несколько женских имен с окончанием -ασα: Κιασα, Τιασα, Κασα, Μασα, Κανξασα²⁰, из них, судя по остаткам перед Α, подходящие [ʔМ]ασα или [ʔΞ]ασα, еще лучше чтение [ʔΓ]ασα. Оба последних не засвидетельствованы, получше ситуация с именем Μασα. Б. Хансен взял его из словаря В. Папе, Г. Бензелера, а эти замечательные филологи позаимствовали его

де как составные звуки и передаваться также как *л* и *т*, в том числе в древности (к примеру, адыг. *илъэс*, родственное ему хаттское *ilis*, оба со значением «год»). Такое латеральное (боковое) *l* было в разных языках древности (напомним, к примеру, имя киммерийского царя ассирийцы передавали как *Tugdammī*, греки Λύδαμις, т. е. киммерийское имя начиналось боковым *л*). Важно, что он был и в языке древних насельников Северо-Западного Кавказа: имя синдской равнины Λαύριον у Тимо-накта и страны псессов Ταυρινία у Артемидора (писатели III–II вв. до н.э.) – скорее всего две формы греческой передачи одного топонима (см. обо всем этом: Яйленко 2015, 411, 413; 2017 б, 8–9). В античное время это ареал адыгов (но упомянутый топоним так называемого средиземноморского происхождения). Ввиду изложенного основы Омψαλ- и Омψат- могут принадлежать одному и тому же имени (как мы предположили, **lумафпцылъагэ* или **lумафпсэлъагэ*), *лъ* которого, возможно, передано по-гречески в первом случае через *λ* (= Омψαλακος), во втором через *τ* (= Омψα[τ]ι).

¹⁶ При таком чтении промежуток между Ε и предшествующим Α чуть больше обычного в надписи, оно и узковато, ср. ширину последнего Ε в ΧΑΙΡΕΤΕ. В остальном порядок: Омψα[ει] – нормальный вокатив от *Ομψαεις и окончание -εις свойственно греческой передаче адыгских имен в горгиппийских надписях Γαστεις, Δασσεις, Харδεις, это адыгский притяжательный суффикс -ей (Яйленко 2010, 178–179).

¹⁷ Либо даже Чэтэхъужь, при том, что адыг. *ш* одинаково передается в русском как *ш* и *с*: Гъук1эшъау = Гучешау, Гучесав; адыг. *ч* в греческой транскрипции ожидается как σ – ср. др. инд. Çandragupta = Σανδράκοττος, рус. Чандрагупта (тут ç произносится как русское шь).

¹⁸ Яйленко 2015, 438–443.

¹⁹ От второй буквы имени сохранилось Λ – ламбда или альфа с утраченной перекладиной. При чтении альфы, как сейчас увидим, есть несколько возможных вариантов, если же читать -λσα, то словари греческих и прочих древних имен не дают подходящего, нет и адыгского соответствующего имени.

²⁰ Hansen 1958, 41.

из *Corpus inscriptionum Graecarum*²¹ почтенной давности и снабдили имя пометкой *spurius*²². Как бы там ни было, на Боспоре хорошо представлено негреческое мужское имя *Μασας* (КБН 461, 462, 521, 623, 1033, все I–II вв. н. э.), и имя [?М] *ασα* артезианской эпитафии вполне может быть его женским изводом, как в парах *Ἰδας – Ἰδα, Ἀκασας – Ἀκασα* и пр. Имя *Μασας* иранского происхождения²³, по-сему таково и [?М] *ασα*, это соответствует в целом негреческому именнику артезианской надписи. В пандан к звательной форме имени мужа *Ομψα[τι] / Ομψα[ει]* вокатив и [?М] *ασα*²⁴.

Вероятное чтение [?Г] *ασα* привлекательно тем, что ему вполне соответствует популярное адыгское женское имя Гуащэ; адыгское же имя мужа сей женщины делает предпочтительным этот вариант.

Завершающее стк. 2 *καὶ υἱο[ι]* означает, что в стк. 3 следуют имена сыновей, их два, второе читается вполне – *ΑΦΟΥΟ*, т. е. номинатив имени *Αφοῦ(ς)*²⁵. Напротив, имя первого сына сложно для прочтения. Сохранились три первые его буквы – *ΡΑΣ* или *ΡΑΟ*, либо *ΡΑQ*, далее следовали 3–4 буквы и окончание *-ο[ς ?]*²⁶. В именнике Северного Причерноморья есть примеры на все три анлаута: *Ρασσοῦος* (танаисский список имен КБН 1279 от 225 г.), *Ραθαῶσος*, *Ραοδμῆος* (ольвийские надписи II в. н.э. IOSPE I² 91, 132); все иранские²⁷. Как сказано, в артезианской эпитафии между *ΡΑΣ* и *ΟΣ* утрачено 3–4 буквы, по этому показателю подходят все три имени, *exempli gratia* дополняем *Ραq[αῶσ]ο[ς]*. Прощальная формула написана посередине стк. 4, от нее сохранились частично первая и две последние буквы: *с[αίρε]τε*.

Итоговый текст: *Ομψα[τι]*²⁸ *Μαianaκου | καὶ g[v]n³/₄ [? Г]ασα καὶ υἱο[ι]* | *ε.г. Ραq[αῶσ]ο[ς] καὶ Αφοῦ(ς), | с[αίρε]τε* «Омпсатис, сын Майанака, и жена (? Г) аса, да сыновья Ра(тагос?) и Афус, прощайте». Из пяти имен эпитафии определенно читаются три – *Ομψα-*, *Μαianaκος*, *Αφοῦς*, из них первое адыгское, второе иранское; третье «детское» и обычно считалось малоазийским, но Л. Згуста справедливо указал на обилие куста таких имен также во Фракии да на Боспоре,

²¹ Berolini 1828/3, Nos. 3998, 4315 addenda.

²² Pape, Benseler 1884, 868.

²³ Zgusta 1955, § 145.

²⁴ Слово *ὑνῆ* нередко соседствовало в боспорских эпитафиях римского времени с вокативными формами имен и других терминов родства, т. е. утрачивало вокативную форму *ὑναι* (Доватур 1965, 814, § 5–2).

²⁵ В слове *υἱο[ι]* конца стк. 2 от последней иоты сохранился нижний кончик с апексом. На него насел округлый скол, придающий видимость буквы *С*, но *sg. υἱός* при двух покойных сыновьях – крайняя редкость (КБН 430). Имя *Αφοῦς* – КБН 656, 130 г. н.э., исходная форма – *Ἀλφοῦς* (КБН 370, 537). У имен на *-οῦς* окончание звательной формы *-ου* (Доватур 1965, с. 815–816, § 7), и можно думать, что написав вокатив *Αφοῦ*, резчик по ошибке еще раз написал *Ο*. Но окончание имени первого сына, как кажется, *-ΟΣ* (см. далее) и оно указывает, что несогласно с вокативной формой имен родителей имена сыновей даны в номинативе. Такая несогласованность падежей имен представлена в артезианской же эпитафии Состибия, где имя родителя в звательном падеже, а обоих сыновей в именительном (подробности и другие примеры: Яйленко 2019, 141–142).

²⁶ Между хорошо читаемыми *Ο* имени и *Κ* слова *καί*, кажется, видна нижняя часть дужки буквы *С*, т. е. окончание номинатива *-ος*. Не исключено, что было и *-ΟΙς*, но среди имен с таким окончанием нет начинающихся с *ΡΑΣ-*, *ΡΑΟ-*, *ΡΑΘ-* (Hansen 1958, 199).

²⁷ Zgusta 1955, § 192, 193, 195.

²⁸ Вариант: *Ομψα[ει]*.

заклучив, что тут они местного происхождения²⁹. Мы показали повсеместность распространения Lallnamen географически да по времени, потому признали их туземными и на Боспоре³⁰.

Теперь можно суммировать антропонимику насельников артезианской крепости, представленную в трех лапидарных эпитафиях, двух пространных граффити и одном владельческом³¹. Вторая, третья эпитафии, упомянутые граффити относятся к первой половине I в. н.э. В граффити фигурируют одно-два фракийских имени – Σαλας, Δολης (последнее известно и как римское, к *doleo* «обделывать, замышлять», *dolus* «хитрость, уловка»), греческое Ἀλάτουρος. Во второй эпитафии (в печати) – греческое Πάμφιλος, туземное боспорское Σανους,³² скифское женское Ἀγά[ρ?]iv. В третьей эпитафии читаются адыгское имя Ομψα[τις] (или Ομψα[εις]), иранское Μαianaκος, туземное боспорское Αφοῦς. На краснолаковом блюде, по условиям находки, не позднее середины I в. н.э., написано греческое имя владелицы – Φιλουμένης «*блюдо* Филумены»³³. Это обычный для Боспора I в. н.э. именник, за исключением фракийских имен, которые скорее всего принадлежат наемникам из Фракии. Присутствие фракийских солдат в крепости обязано фракийским связям Аспурга³⁴. Первая эпитафия, которую мы отнесли ко II в. н.э., содержит, по нашему мнению, малоазийские имена Σωστιβιος, Παδαφους и греческие Διωνύσιος, Δισακός³⁵. Пребывание в Артезиане носителей малоазийских имен во II в. н.э. связано с эмиграцией малоазийцев II–III вв. н.э. в Западное и Северное Причерноморье; в частности, они осели на расположенном к востоку от Артезиана (в том же Ленинском районе) поселении Фронтное³⁶.

Nota bene: греческие имена вовсе не указывают на греческое происхождение их носителей, изложенная выше стемма адыгского (по нашему мнению) рода Омсалаковичей наглядное тому подтверждение. Носители иранских имен тоже не всегда этнические иранцы, подтверждение чему именник того же рода Омсалаковичей. Напротив, адыгские да фракийские имена на Боспоре в силу своей редкости принадлежат этническим адыгам, фракийцам. Наиболее загадочны туземные боспорские имена, они не то что не исследованы, даже не выделены (мы обосновали лишь группу их Lallnamen³⁷).

²⁹ Zgusta 1955, § 595.

³⁰ Яйленко 2010, 121–141.

³¹ Тексты и имена этих граффити: Сапрыкин и др. 2014, 139 сл.; Яйленко 2019, 125–126. Владельческое граффито: Яйленко 2017, 476. В Артезиане и его округе найдено множество граффити (Винокуров 2003, 151–192), они написаны в основном на амфорных черепках, из них 4 представляют собой начало личных имен; но амфоры – привозная тара, поэтому имена не артезианские. Существенно меньшая часть граффити сделана на обломках столовой посуды; обычно в греческих центрах Боспора на доньях столовой посуды встречаются сокращения имен ее владельцев, но на артезианских обломках таковые отсутствуют.

³² В рукописи статьи о второй артезианской эпитафии мы допустили туземное боспорское или малоазийское происхождение имени, однако малоазийские соответствия отдаленные, так что этот вариант отпадает.

³³ Яйленко 2017, 474.

³⁴ Яйленко 2019, 125–126.

³⁵ Яйленко 2019, 128–131.

³⁶ Об этом и эмиграции малоазийцев: Яйленко 2010, 673–677.

³⁷ Яйленко 2010, 111, 121–141. Выделение круга этих имен и их изучение – одна из важнейших задач боспорской антропонимии.

Перейдем к датировке публикуемой надписи. В ней наряду с обычным средством датирования – характером письма – есть ещё три показателя: формульная структура, единство рельефа надгробия с рельефом первой артезианской эпитафии, археологический контекст. Как сказано, формульная структура эпитафии Омписатиса представлена ещё в четырех боспорских эпитафиях и все они I в. н. э. Но характер письма предоставляет и другие хронологические показания, рассмотрим его. Буквы эпитафии врезаны глубоко в поверхность камня, поэтому читаются четко. Писаны они одинаковым темпом – нельзя сказать, что убористо, но близко друг к другу. Соотношение высоты и ширины букв гармонично, это придает письму солидность. Украшения букв минимальны – маленькими апексами отмечены лишь вертикали, но отнюдь не все; это в некоторой мере строгое письмо I в. н. э., но строгость приблизительная, с нею соседствуют, наряду с указанной необязательностью апицирования глас, такие украшения, как изогнутые усы каппы, то столь длинные, что достигают верхней и нижней линеек строки, то покороче, но тоже декоративные. Уж вовсе декоративен ипсилон стк. 1 с тюльпановидными усами, но ему противостоит строгий ипсилон стк. 2, а в стк. 3 он нечто среднее меж одним и другим. В целом письмо надписи не устоявшееся, как бы находящееся на полпути от декоративности к сдержанности или наоборот – от строгости к свободе. В интересующую нас эпоху были два переходных периода в лапидарной палеографии Боспора. В конце I в. до н. э. – первой половине I в. н. э. состоялся переход от позднеэллинистической декоративности к монументальному стилю I в. н. э., а с конца I – начала II в. н. э. происходило интенсивное наращивание курсивных форм, так что в целом монументальный стиль II в. н. э. обогатился декоративными вольностями да многообразием стилистики³⁸.

Наиболее заметная особенность письма рассматриваемой артезианской эпитафии – лунарная сигма, тут она одна такая, других лунарных форм в ней нет. Это обстоятельство, в контексте с другими отмеченными особенностями её письма, тоже предоставляет данные для суждений о её дате. Прежде всего отметим, что в I в. н. э. лунарные формы крайне редки, их настоящий узус начинается с конца I в. н. э. и процветает во II–III вв. н. э. В I в. н. э. лунарные буквы представлены всего в десятке пантикапейских эпитафий, перечислим их, отметив, что всюду присутствует альфа с ломаной перекалиной, как и в артезианской надписи.³⁹

Эпитафии I в. н. э. В КБН 542 одно С и тоже при прямом Е, как в артезианской эпитафии; КБН 331, 342, 472: тоже одна лунарная ω, при прямом Е; в эпитафии КБН 353 одно лунарное ε. По две лунарные буквы с, ε в КБН 453, 461, 552; лунарные ω, ε, но при прямой сигме (Σ), в КБН 352. В эпитафиях, датированных авторами КБН концом I в. н. э. – II в. н. э. и II в. н. э., уже прорва лунарных форм, при-

³⁸ Болтунова, Книпович 1962, 19–26.

³⁹ Опирируем данными эпитафий пантикапейского некрополя как наиболее представительного на Боспоре, во всех остальных центрах, вместе взятых, надгробных надписей несравнимо меньше. Оставляем в стороне спорные датировки посвящения КБН 27 (по В.В. Латышеву, позднеримское время, согласно комментаторам КБН, II в. до н. э.) и 302 – надписи в склепе Анфестерия, которую Латышев вслед за Л. Стефани отнес к I–II в. н. э., а М.И. Ростовцев по стилистике росписи склепа датировал его концом I в. до н. э. – первой половиной I в. н. э. Все формы курсивных букв представлены в мемориальной надписи о строительстве склепа КБН 335, дату которой В.В. Латышев и за ним издатели КБН сочли за 14 г. н. э.; мы же по камню вычитали дату, соответствующую 284 г. н. э. (Яйленко 2010, 574).

ведем часть тех, что конца I в. н.э. – II в. н.э., ограничившись сакральной цифрой 666. КБН 594, 603: одна лунарная ϵ . Две лунарные ϵ , с в КБН 587, 591, 599, 647, 648, 651–653, 655, 656, 660, 662–664, 666. Полный лунарный набор в КБН 583, 595, 596, 605, 633: ϵ , с, ω . Он част в надписях II–III вв. разного типа, в том числе эпитафиях. Из числа 18 эпитафий на надгробиях со сценой сидящей женщины и предстоящего всадника лунарные формы присутствуют в КБН 352 (ϵ , с, ω), 930 (ϵ , с) от I в. н.э., и от II в. н.э. КБН 689 (ϵ , с, ω), 893 (ω , ϵ), 932 (с, E), 1032 (ω , E).

На фоне этих данных артезианская эпитафия, коли судить по употреблению лишь одной лунарной буквы, скорее I в. н.э., нежели II в. Но скудость примеров от I в. – всего десяток – лишает сей вывод основательности, поскольку на пантикапейском некрополе более двух сотен эпитафий данного столетия (КБН 326–571). Посему несопоставимо частое употребление лунарных форм во II в. н.э. сравнительно с I в. н.э., указывает на предпочтительность датирования артезианской эпитафии II в. н.э. Казалось бы, об этом свидетельствует и единство рельефа данной эпитафии с рельефом артезианской же эпитафии Состибия (рис. 7–8), которое может говорить об их близости и по времени. Но палеография надписи Состибия определенно более поздняя по двум показателям письма: по курсивному эпсилону (ϵ), язычок которого отделен от дужки, что встречается в боспорских надписях с конца I – начала II в. н.э. (КБН 591, 604, 647, 648 и др.)⁴⁰, также по уникальному начертанию лунарной сигмы с выдвинутой вперед верхней линией (типа \$, но без нижней закорючки), которое впервые фиксируется в унциальном письме папируса 88 г. н.э.⁴¹ Поскольку палеографические новации создавались в Египте, не в Артезиане, для распространения их на периферию античного мира требовалось время, так что по обоим признакам эпитафия Состибия относится ко II в. н.э.⁴² Однако привлекать её для датировки третьей эпитафии из Артезиана по сходству рельефов нельзя, ибо мы видели, что таков и рельеф эпитафии Омпсалака КБН 478, определенно датируемой I в. н.э.

В такой ситуации, когда показания формульной структуры (I в. н.э.) и характера письма (II в. н.э., но не исключен и I в. н.э.) неоднозначны, решающее слово за археологическими данными. Как сказано в начале данной статьи, поздняя цитадель сооружена при Котисе I (46–68 гг.), на что указывают его монеты, выпущенные до 54 г., из слоя строительного отёса, синхронного времени её строительства. Следовательно, извлеченные с некрополя стелы, найденные в 2021 г. под строительными остатками башни 2 поздней цитадели, могли появиться тут в процессе её возведения, не позже.

Подведем итог рассмотрению датировки третьей эпитафии: она относится к первой половине – середине I в. н.э., так что действительно принадлежит к упомянутому десятку эпитафий этого столетия с единичными курсивными формами.

⁴⁰ См. и Болтунова, Книпович 1962, табл. III.

⁴¹ Gardthausen 1913, Taf. I, Sp. 13. На папирусном письме лунарная сигма с удлинённой верхней линией употребляется с I в. до н.э. (Ib. Taf. I). Но, как видно, на Боспоре она чрезвычайная редкость.

⁴² См. подробнее: Яйленко 2017, 479; 2019, 145. В обеих статьях мы по недосмотру указали на букву ϵ вместо должной с. В статье 2017 г. мы отнесли эпитафию к концу I–II в., но слово «конец» оказалось последним на с. 479 этого электронного издания и потому выпало (в статье 2019 г. мы отметили это). Критику датировки эпитафии Состибия С.Ю. Сапрыкиным см. в конце статьи о второй артезианской эпитафии – см.: ПИФК, № 2 (2022).

Рис. 7. Рельеф третьей надгробной стелы 2/2021.

Fig. 7. Relief of the third tomb stele 2/2021.

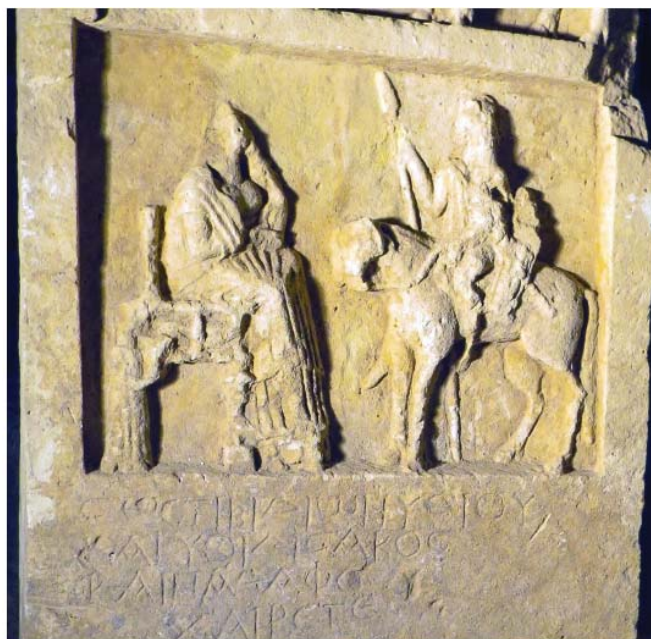

Рис. 8. Нижний рельеф и надпись эпитафии Состибия и сыновей надгробной стелы 1/2000. Фото Н.Л. Кучеровской. Погребение 21/2000. Некрополь городища Артезиан.

Fig. 8. Lower relief and inscription of the epitaph of Sostibios and the sons of the tomb stele 1/2000. Photo by N. L. Kucherevskaya. Burial 21/2000. Artezian necropolis.

3. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РЕЛЬЕФА

Перейдем к рельефу. Слева изображена сидящая в кресле женщина, справа – предстоящий всадник, они обращены друг к другу. Кресло на высоких фигурных ножках, со сквозной боковой панелью с одной подпоркой посередине, через нее видна подушка; спинка кресла невысокая, края её округлые. Под ногами женщины подставка. Она одета в длинный хитон, ниспадающий складками на подставку, и закутана в гиматий, накинутый на голову (лицо сбито); складки плаща от бедер до колен горизонтальные, складки хитона от колен донизу вертикальные, первые подчеркивают ширину бедер (стало быть, она рожавшая, что следует и из эпитафии – у неё двое сыновей), вторые усугубляют длину ног. По обычному канону изображения женских фигур, ее правая рука с раскрытыми пальцами покоится на животе, левой рукой, приподнятой до уровня плеча да шеи, она придерживает край плаща. Фигура и лицо её даны в трехчетвертном развороте относительно зрителя (разворот слева направо). Слева от кресла показана стоящая фронтально в рост маленькая фигурка служанки, одетой в хитон да плащ, в руках её высокая плетеная циста. Большая и грузная фигура всадника тоже дана в трехчетвертном развороте, но справа налево, также лицо (оно сбито); он обращен к женщине, фигура которой сравнительно с ним малая и хрупкая. На мужчине короткий хитон с длинными рукавами, сверху накинутый на плечи плащ; за спиной овальный щит, в правой руке длинное копье, упертое в землю.левой рукой он натянул поводья, отчего голова лошади подтянута к шее. Лошадь, как обычно на боспорских стелах, маленькая и поджарая, со стриженной холкой да подрезанным хвостом; как обычно, передние ноги и одна задняя прямые, правая задняя сдвинута на шаг вперед; она ввездана, на спине попона и седло. В целом рельеф ремесленный по исполнению (к примеру, кресло скошено назад), композиция статичная; несмотря на иллюзию глубокого рельефа, проработка фигур и предметов графична и суха.

Как сказано, такого типа рельеф – с сидящей в кресле женщиной и предстоящим всадником – представлен также на стелах Состибия II в. н.э. из Артезиана и Омсалака Сидавхавича I в. н.э. из Пантикапея (рис. 8, 16). Рассмотрим и эти рельефы, предварительно отметив, что присутствие одного типа рельефа на двух стелах из Артезиана и одной из Пантикапея, при отмеченном выше родстве редких имен *Ομψαλακος* и *Ομψατις*, да при том, что таких рельефов всего два десятка на всем Боспоре, с большой вероятностью указывает на принадлежность всех этих покойных к одному роду.

Рельеф на стеле Состибия – рядовая работа скульптора-ремесленника (рис. 8). Если на третьем рельефе фигура Омсатиса как мужская оправданно показана большой и грузной, то тут наоборот – женская фигура настолько крупна, что больше и всадника с конем. Сам Состибий мелок и тощ, размерами вполровину супруги (под стать ему и понурая лошадевка). Интерпретацию смысла рельефа на стеле Состибия дал С.Ю. Сапрыкин⁴³. По его мнению, сидящая в кресле женщина – «богиня подземного мира и покровительница душ умерших», «ее функции... являются главными во всем сюжете рельефа», всадник перед нею – героизированный покойник. Он положил в основу своего понимания существа артезианской

⁴³ Сапрыкин и др. 2014, 151–159.

сцены выводы А.П. Ивановой⁴⁴ о рельефах такого типа: «А.П. Иванова совершенно справедливо отмечала, что в тех случаях, когда на рельефе изображена сцена со всадником, стоящим перед сидящей женщиной, и сохранилось только женское имя, то мы вправе считать эту женщину обожествленной умершей или умершей в образе бессмертной богини. Тогда всадника следует воспринимать как ранее умершего родственника этой женщины, а всю сцену – как отношение живого к героизированному умершему. Через приобщение женщины к героизированному или обожествленному всаднику она сама становится как бы обожествленной и соответственно бессмертной, так как всадник – её героизированный родственник – уже ранее стал бессмертным. А в тех случаях, когда на рельефе вырезано только мужское имя,⁴⁵ то в изображении всадника надо усматривать изображение героизированного умершего, который приобщается к бессмертию богиней посредством вкушения напитка бессмертия, который она дает ему сама (если держит гранат или чашу в руке) или который ему протягивают её слуги. Не исключено, что в этом случае в сцене со всадником, стоящим перед женщиной, фигурирует ранее почившая жена героизированного умершего в образе бессмертной богини». Эти выводы, продолжает С.Ю. Сапрыкин, получают подтверждение в изображениях аналогичных сцен – росписи керченского склепа Анфестерия, на серебряном ритоне из кургана Мерджан, на войлочном ковре из Пазырыка.

Мы подвергли критике интерпретацию С.Ю. Сапрыкина⁴⁶. Упомянутые им памятники с изображением богини и предстоящего всадника связаны с погребальной мифологией кочевников, тогда как боспорские стелы с сидящей в кресле женщиной и всадником найдены на поселениях, они с надписями, трафаретное содержание которых сводится к формуле «имярек, сын (жена) такого-то, прощай»; в нескольких случаях схема расширена упоминанием одновременно мужского и женского имен, т. е. обоих изображенных на рельефе персонажей. Последний вариант как раз дает полное представление об изображенных на рельефе – это муж и жена (по разу упомянуты также мать, кормилица). Вновь приведем эпитафии, упоминающие два имени – мужское и женское, что соответствует рельефу с мужской и женской фигурами.

КБН 413 (Пантикапей): «Гелий, сын Эрота, и кормилица Василя, прощайте»; 893 (Капканы): «Ниокл и дочь Евгения, прощайте»; 932 (Нимфей): «Мастус и жена Теотима, прощай»; 1025 (Ахиллий): «Теаген, сын Гермодена, и жена Кулия, прощайте»; Горгоппия: «Талон, сын Пофа, и мать Гедин, прощайте»⁴⁷. Важна эпитафия КБН 932 «Мастус и жена Теотима, прощай»: при двух именах слово «прощай» дано в ед. числе; это означает, что надгробие поставил один из супругов, например, Теотима Мастусу, которая, так сказать, на будущее (смерть всего живого неотвратима) изобразила при муже и себя. Это точное разъяснение и тех рельефов с всадником и женщиной в кресле, в эпитафиях при которых упомянут лишь один персонаж – мужской или женский (как в КБН 478: «Омпсалак, сын Сидава, прощай»)⁴⁸. Третья

⁴⁴ Иванова 1951, 30–32.

⁴⁵ Это явная описка – С.Ю. Сапрыкин имел в виду надпись под рельефом.

⁴⁶ Яйленко 2019, 147–155.

⁴⁷ Алексеева 2018, 17–20.

⁴⁸ Перечислим «мужские» стелы: КБН 352, 414, 478, 524, 578, 689, 906, 908, 930, 1032; «женские»: КБН 478, 502, 1085. Итого «женских» стел всего 3 при 11 «мужских», причем две поставлены женам (вероятно, такова и третья); поскольку их мужья изобразили и себя на рельефах, это надгробие

артезианская эпитафия с именами мужа (Омпсатис) да жены ([Г?]аса) лишь расширяет список этих надгробных надписей, в которых представлено полное единство их персонажей с рельефом. Таким образом, нет никаких оснований вести речь о женщине в кресле как богине, и нет повода усматривать в рельефе на эпитафийных стелах кочевническое представление о героизации покойного (тем более покойной женщины!) некоей богиней. Ещё раз подчеркнем, что два десятка стел с таким рельефом – продукт развития боспорской городской надгробной скульптуры, это чисто боспорский извод I–II вв. н.э. общегреческой сцены классического да эллинистического времени с сидящей в кресле женой и стоящим рядом мужем (упомянем, к примеру, общеизвестные афинские стелы IV в. до н.э. Ктесилая и Феано, также Дамасистраты⁴⁹). Вопрос о смысле таких рельефов можно было бы считать исчерпанным, но поразительное стремление ряда специалистов видеть богиню и героизированного покойника в изображениях женщины в кресле и предстоящего всадника на боспорских рельефах заставляет нас обратиться к разнообразным памятникам такого рода и их интерпретации специалистами⁵⁰.

Центральную сцену керченского склепа Анфестерия I в. н. э. с сидящей в кресле женщиной и предстоящим всадником М.И. Ростовцев трактовал как загробную: Великая богиня предлагает (через слугу) героизированному усопшему напиток бессмертия (рис. 9)⁵¹. Но близкую сцену на ритоне III в. до н.э. из кургана в Прикубанье Мерджаны (рис. 10) он интерпретировал иначе, соединив со сценами на диадеме из Карагодеуашха (рис. 11); тут спешившийся всадник) и бляшках из Куль-обы, Чертомлыка, – как сакральное приобщение скифских владык к Великой богине, которая наделяет их питьем, дающим могущество власти, т. е. в качестве сцены инвеституры⁵². В последующей историографии

смысловое разделение сцен на мерджанском ритоне и в склепе Анфестерия не удержалось, их объединяли, вкуче с новыми памятниками, в соответствии с одной или другой идеями М.И. Ростовцева: то как сакральное приобщение к богине (кто она, понимали по-разному), то как вручение напитка бессмертия героизированному усопшему, также вели речь о священном загробном браке. Были и подварианты: на упомянутых памятниках усматривали путь героя из мира живых в загробный мир; например, по С.С. Бессоновой, на мерджанском ритоне изображена сцена загробного приветствия / встречи героя богиней. У адептов каждой версии свои аргументы, как правило, субъективные. Нам лично важным итогом постростовцевской историографии представляется смысловое объединение сцен из склепа Анфестерия и Мерджан, поскольку изобразительная их близость

бия также самим себе «на будущее». Vice versa можно полагать, что 11 «мужских» стел поставили в основном жены, изобразив себя рядом с мужем тоже «на будущее». Стел с эпитафиями, в которых фигурируют мужчина и женщина, пять; в двух случаях упомянута жена, в двух мать, в одном кормилица. Отсюда можно вывести, что жены, матери (также дети) ставили «мужские» стелы. Скорее всего дети поставили надгробия родителям, упомянутым в эпитафии вдвоем («Мастус и жена Теотима», «Теаген, сын Гермогена, и жена Кулия», «Талон, сын Пофа, и мать Гедин»); изображать себя «на будущее» им нет резона, поскольку впереди у них еще вся жизнь.

⁴⁹ Kaltsas 2002, № 310, 395.

⁵⁰ Есть электронная версия нижеследующего историографического очерка, она «слепая», т. е. без иллюстраций: Яйленко 2020, 158–168.

⁵¹ Ростовцев 1914, 176–182.

⁵² Rostovtzeff 1919, 476–477; Ростовцев 1990, 193 (статья, изданная в 1990 г., написана в 1926 г.).

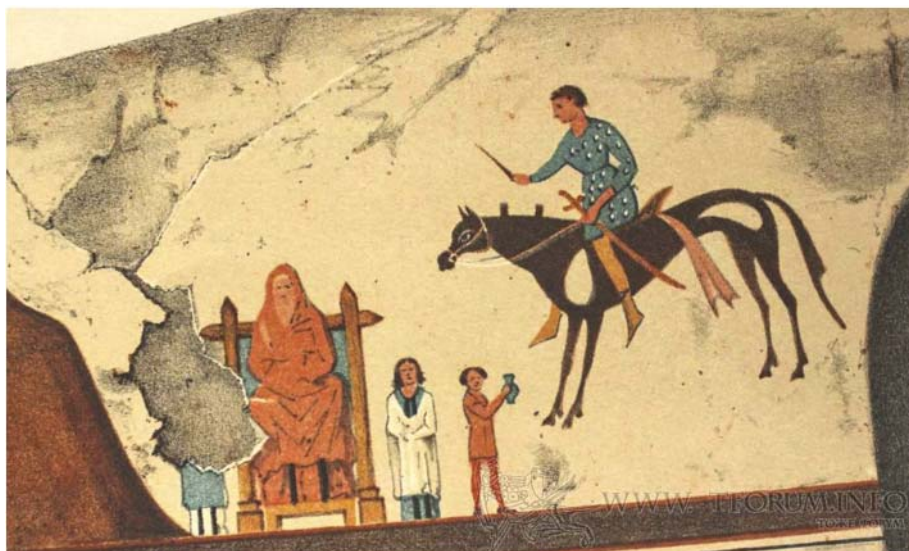

Рис. 9. Склеп Анфестерия. Рис. Ф. Гросса (по: www.tforum.info).
Fig. 9. Crypt of Anthesterios. Fig. F. Gross (Cf. www.tforum.info).

Рис. 10. Пластина ритона из Мерджана (по: Античные государства (Археология СССР). М., 1984, 305, табл. CXV, 2).
Fig. 10. Plate of rhyton from Marianaj (after to: Ancient States in the North Black Sea Region (Archaeology of the USSR). Moscow, 1984, 305, pl. CXV, 2).

Рис. 11. Пластина из Карагодеуашха (по: newskif.su).

Fig. 11. Plate from Karagodeuashkh (Cf. newskif.su).

очевидна (будем в дальнейшем называть эту сцену боспорской и боспорско-сарматской). При этом новая параллель с Алтая выявила оправданность понимания росписи склепа М.И. Ростовцевым, можно теперь добавить, и ритона из Мерджан. На войлочном ковре из 5-го Пазырыкского кургана IV в. до н.э. показана восседающая на точеном деревянном кресле богиня, перед нею всадник с плетью (рис. 12). С.И. Руденко провел параллель со сценой из Мерджан, он, затем А.Д. Грач и другие, видели тут сцену инвеституры⁵³. Однако это не соответствует атрибуту богини: она держит в руке процветшую ветвь, которая символизирует плодородие, жизнь (это ветвь Мирового древа), но никак не царскую власть; на связь этого атрибута с жизнью указал М.И. Артамонов⁵⁴. У богини из Мерджан в руках фиала с напитком бессмертия, всадник пьет его из ритона; на пазырыкской сцене питье отсутствует, но его заменяет ветвь, как сказано, тут символ загробной жизни, так что, по нашему мнению, это смысловой аналог сцен из Мерджан и склепа Анфестерия (там тоже присутствует Древо), облеченный в несколько иную иконографию. Изображение всадника параллельно всаднику из склепа Анфестерия – тот тоже с плетью в руке. С.И. Руденко отметил не алтайское происхождение ковра – оно переднеазиатское или иранское, последующие исследователи склонялись к иранскому. Таким образом, можно считать, что пазырыкский памятник подтвердил мнение М.И. Ростовцева о связи сцены из склепа Анфестерия с представлениями кочевых иранцев о героизированной участи покойного. В связи с этим обратим внимание на не греческое происхождение трона богини из Мер-

⁵³ Руденко 1952, 88.

⁵⁴ Артамонов 1961, 62.

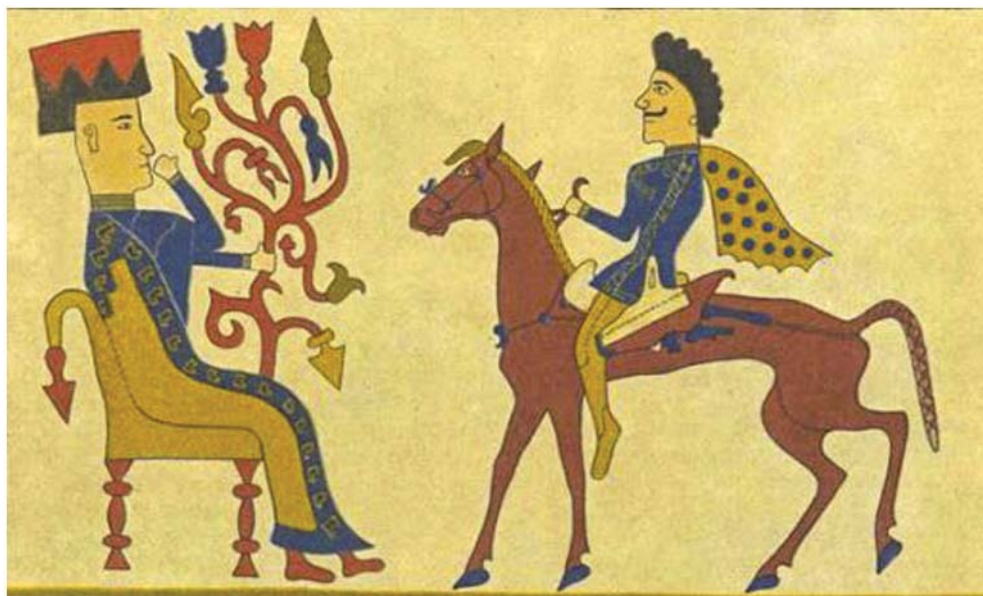

Рис. 12. Сцена на ковре из Пазырыка (по: evpatori.ru).
 Fig. 12. Scene on a carpet from Pazyryk (by: evpatori.ru).

джан: хотя эту диадему теперь относят ко II в. до н.э. (Ю.А. Виноградов) и даже сарматскому времени (С.А. Яценко), по устройству он тот же, что у Афродиты с эронтами на медальоне ок. IV в. до н.э. с Кубани⁵⁵. Да и округлый сосуд подвышенной пропорции в руках мерджанской богини имеет аналоги в синдской керамике с III в. до н.э.⁵⁶ Посему мерджанская сцена отражает религиозно-мифологические представления местного населения Прикубанья. М.И. Ростовцев поначалу видел в её богине пришлую Афродиту Уранию, во всаднике бога Санерга (они упомянуты в вотиве Комосарии, жены Перисада I КБН 1015), в статье 1919 г. счел её местной Великой богиней, что, как видим, более точно по привязке к туземной среде Азиатского Боспора.

М.И. Ростовцеву были известны только бляшки из Чертомлыка да Куль-обы с изображением сидящей богини с зеркалом и пьющего из рога скифа, но он прозорливо предвидел популярность этого мотива в скифском искусстве⁵⁷, что подтвердилось дальнейшими находками таких изделий (курганы Верхний Рогачик и др.). Напротив, увиденное им на этих изображениях наделение Великой богиней скифских владык могуществом посредством угощения напитком скорее не оправдалось, ибо Д.С. Раевский привел убедительные аргументы в пользу свадебного характера сцены⁵⁸. Мнение, что на ряде памятников представлен священный брак царицы загробного мира с героизированным усопшим, популярно в нынешней

⁵⁵ Артамонов 1961, 62.

⁵⁶ Мелюкова 1989, 402, № 38, 39.

⁵⁷ Ростовцев 1913, 7.

⁵⁸ Раевский 1977, 95–109.

не поза предстояния перед божеством, как счел С.А. Яценко, но положение равного перед равным, скорее всего, герой перед главой рода, который показан тоже в бурке и пьет заздравную чашу; размером он чуть меньше героя, но больше всех остальных. С.А. Яценко опознал в нем осетинскую безымянную богиню огня, которую сопоставил со скифской Табити да Тапати индийского пантеона, связанных с огнем. Нет смысла вникать в другие подробности, поскольку субъективность понимания рельефа им очевидна, так что ему не только не удалось поколебать трактовку прежними учёными бытового антуража в сцене склепа Анфестерия, но очевидна и несопоставимость её по тематике с кривореченским рельефом. Также сцена склепа Анфестерия не индо-иранская, ибо ничего специфически древнеиндийского там нет, а, как и была, боспорско-сарматская, воплощающая иранскую по происхождению (Пазырык!) мифологию.

Частичный скандинавский аналог боспорской сцены на средневековых намогильных камнях выявил Д.А. Король⁶². На них показан всадник на скоро идущем коне (влево или вправо), его встречает дева с рогом, это бог Один и Фрейя, либо другие женские и мужские персонажи скандинавской мифологии, в общем, валькирии да герои. По мнению Д.А. Короля, такая сцена вынесена древними скандинавами из Северного Причерноморья (известно, например, возвращение народа герулов отсюда в Скандинавию). Построения автора достаточно убедительны в скандинавской части, но северочерноморская часть, послужившая ему базисом для толкования скандинавской сцены, весьма эклектична: он собрал «до кучи», без какого-либо критического отбора, имеющиеся мнения и памятники – Пазырык, склеп Анфестерия, Мерджаны, боспорские надгробные рельефы. Как видно, современным исследователям не хватает избирательности в выборе памятников.

До сих пор мы рассматривали подходы к исследуемой боспорско-сарматской сцене, так сказать, с сарматской стороны, от толкований учёными памятников и мифологии кочевого населения Евразии, теперь обратимся к интерпретациям её с боспорской, т. е. греческой стороны. В числе боспорских стел I–II вв. н.э. с рельефами есть группа с изображением сидящей в кресле женщины и предстоящим всадником. Это чисто боспорская по происхождению иконография, она появилась в первой половине I в. н.э. и просуществовала около двух веков. Источник её тоже местный – это комбинация употребительных в боспорских надгробных рельефах со II в. до н.э. порознь изображений всадника (КБН 267, 278 и др.) и сидящей в кресле женщины (КБН 271, 273 и др.), а прототип её, как сказано, общегреческая сцена классического да эллинистического времени с сидящей в кресле женой и стоящим рядом мужем. Мы потому ссылаемся на стелы с рельефами и надписями, что они, во-первых, имеют хорошие эпиграфические даты, во-вторых, определено указывают, кто именно изображен на рельефе, т. е. это конкретные люди. Уже из такового источника следует, что сцены с женщиной в кресле и всадником представляют конкретных умерших. Тем не менее, сей постулат ученые игнорируют, в результате возникло ошибочное мнение, что сцена с женщиной в кресле и предстоящим всадником на каменных стелах Боспора представляет героизированного покойника перед богиней. Породила это заблуждение А.П. Иванова⁶³. Издавая подобного рода рельеф (без надписи, которая скорее всего отбита), она пишет, что

⁶² Король 2005, 331–344.

⁶³ Иванова 1951, 27–35.

только незначительное число таких стел имеет надписи с мужскими и женскими именами изображенных, на некоторых стелах упомянуты женские имена, «на многих стелах интересующей нас группы надписи называют одно только мужское имя», и «во всех случаях можно не сомневаться, что фигура всадника является изображением героизированного умершего». «Кого же изображает сидящая женщина?», – спрашивает она, не верховная ли это богиня, как на мерджанском ритоне? И дает положительный ответ потому, что женщина на изданной ею стеле держит в руках гранат, символ героизированного умершего. А лицо женщины на стеле, полагает она, указывает тот же этнический тип, что и у мерджанской богини. К чести своей, сознавая всю шаткость высказанных заключений, она разумно подводит итог: «Мы не считаем возможным настаивать категорически на толковании женской фигуры верхнего рельефа как богини». Считаем, это самая важная формулировка её статьи, поскольку наведший её на мысль о сидящей богине гранат с таким же успехом может быть понят как яблоко, груша, яйцо: именно такой предмет держат сидящие в кресле женщины (с предстоящим всадником) на рельефах КБН-альбом, 470, 550, 718. Наиболее ясна символика такого предмета на рельефе 470: округлый живот да две служанки, одна из которых с ведром воды в руках, да стоящий на пьедестале мальчик, – все это указывает на связь плода (яйца?) в руке женщины с родами, так что предназначение сего символа – жизнь.

К сожалению, никто из последующих ученых не обратил внимания на важную оговорку А.П. Ивановой о предположительности её трактовки сцены на стелах с богиней в кресле да предстоящим всадником, и такая интерпретация триумфально переключивается из работы в работу. В привлечении аналогий – той же росписи склепа Анфестерия, ритона из Мерджан – непременно следуют ссылки на А.П. Иванову. Например, в упомянутой статье Д.А. Короля в изобразительном ряду и тексте наряду с пазырыкским ковром, мерджанским ритонем, склепом Анфестерия, где действительно показана богиня и покойный в виде всадника, фигурируют якобы такого же свойства курганные скифские бляшки (на самом деле, с брачной сценой), чайкинский рельеф, стела КБН 908 и стела, изданная А.П. Ивановой, со ссылкой на её выводы. Разберемся с чайкинским рельефом.

Он найден вне археологического контекста, показаны алтарь, слева от него стоящая женская фигура, справа всадник, в простертой вперед правой руке которого, очевидно, канфар с большими изогнутыми ручками (рис. 14). Издавшая рельеф Е.А. Попова указала на фракийские аналогии с изображением всадника, алтаря, женской фигуры, но вследствие мелких отличий предпочла сравнение с рельефами боспорских надгробий, на которых изображен всадник перед сидящей в кресле женщиной⁶⁴. Она восприняла мнение А.П. Ивановой, что это сцена поклонения женскому божеству героизированным усопшим (о нем мы поговорим далее). Но в действительности тут различий гораздо больше: нет алтаря, женщина сидит в кресле, на чайкинском рельефе стоит, на боспорских рельефах присутствуют служанки, порой и слуги, на чайкинском памятнике их нет, и т.д. По композиции и минимальному набору фигур чайкинскому рельефу как раз гораздо ближе фракийские рельефные вотивы Геросу («Герою») того извода, когда при

⁶⁴ Попова 1974, 222–230.

Рис. 14. Рельеф с городища Чайка (по: Попова 1974).
Fig. 14. Relief from Chayka Settlement (after: Popova 1974).

алтаре показана женская фигура⁶⁵. При этом надписи поясняют содержание данной сцены – № 1398: «Геросу; *принес в дар* Битюс, сын Диней»; № 1399: «Владыке Геросу; Руф вместе с женой *принес дар*»; № 1404: «Владыке Богу; *принесли дар* Авлудзенис, сын Лонгина, Авлудзенис, сын Диузея»; № 1408: «Владыке Асклепию; Керза, сын Гарулы, *принес дар*»; № 1409: «Александр за себя и свою жену *принес благодарственное приношение*». Таким образом, согласно надписям, женщины у алтаря на рельефах № 1399, 1409 – супруги дарителей votивных приношений; вероятно, таковы и дамы рельефов № 1398, 1404, 1408. Есть и характерная деталь, связывающая чайкинскую и фракийские композиции: чайкинский всадник показан с канфаром (?), который он протягивает в сторону алтаря вытянутой вперед правой рукой, т. е. он собирается совершить возлияние из него на алтарь; так и на указанных фракийских рельефах всадник обычно простирает к алтарю правую руку с патерой или тарелкой для приношения на алтарь. Из сказанного следует, что чайкинский рельеф votивный, посвящен Геросу, видимо, связан с пребыванием фракийцев в составе римских отрядов в Херсонесе I–II вв. н.э.⁶⁶

⁶⁵ Inscr. Gr. Bulg. Vol. III, № 1398, 1399, 1404, 1408, 1409.

⁶⁶ Есть и близкого содержания рельефы иранского происхождения – эрмитажная пластина от диадемы царицы из кургана 1837 г., рельеф votива фиасотов бога Танаиса КБН 1259, также в той или

Рис. 15. Трёхбратний рельеф (по: yandex.ru/images).
 Fig. 15. Relief from the Trekhbratniy kurgan (по: yandex.ru/images).

Из числа других работ, покоящихся на ошибочных выводах А.П. Ивановой, мы обратимся лишь к публикации рельефа из Трёхбратнего кургана под Керчью да вновь помянем артезианский рельеф. На Трёхбратнем огромный рельеф водружен над могилой эллинизированной скифской женщины IV в. до н.э. Мастер умело сверстал композицию в трехплановой перспективе: на первом плане квадрига лошадей с возничим; на втором повозка с восседающей на ней женщиной, к которой конюх (сохранились его грудь и часть руки) подвел лошадь; на третьем атрибуты – перекрытие повозки, оформленное в виде наиска, т. е. входа в склеп, и столб с подвешенным горитом (рис. 15). В одной из первых публикаций – С.С. Бессоновой, Д.С. Кирилина – дано прагматичное описание рельефа, из которого явствует, что на рельефе изображено прощание женщины с конем, указаны аналогии похоронам на повозке из разных областей. А дальше авторы пускаются во все тяжкие: так как женщина сидит, то по аналогии с мерджанским ритонном да ковром из Пазырыка она превращается в богиню, и «всаднику должен соответствовать какой-то культово-мифологический образ», так что в глазах авторов сей цитаты он родственник Диониса, Сабазия, Сиявуша, Аттиса и прочих паредров Великой богини⁶⁷. И другие ученые дамы вдохновенно парили мыслью. По Е.А. Савостиной,

иной мере подобные памятники из Гебеклы в Туркмении и Дуры Европос, на которых представлен всадник с ритонном или чашей в руке перед алтарем (Яйленко 2010, 331–356), но отсутствие женского персонажа не позволяет сопоставлять их с чайкинским рельефом.

⁶⁷ Бессонова, Кирилин 1977, 128–139.

тут представлен загробный выезд всадника, которому сидящая богиня вручает сосуд с питьем для перехода в иной мир; столб или дерево с горитом «символизирует предел реальной жизни, который готовится переступить всадник»⁶⁸. А то, что рельеф поставлен над женской могилой, да именно женская фигура как бы вставлена в склеп-наиск, что ее фигура крупнее и конюха, и возницы, вместе взятых, что сосуда в её руке нет, она игнорирует. Апофеоз излишне вдохновенного понимания рельефа у А.В. Вертиенко: разделяя изложенные идеи предшественницы, она идёт дальше: возница – это «изображение вознесения души переродившегося героя на двухколесной квадриге в иной мир», и всякое такое прочее; употребление же хеттами двухколесной повозки для транспортировки тела, по её мнению, выдает архаичность семантики трёхбратного рельефа, «восходящую к индоевропейской древности»⁶⁹. Как прост у нее путь из Керчи к индоевропейцам, совсем, как у С.А. Яценко – от Кривой речки в Осетии до древней индоиранской общности!

Если же трезво придерживаться описания трёхбратного рельефа, исполненного умелым греческим мастером, то он проще и человечней: покойная скифянка была всадницей и стрелком (в горите показаны стрелы), она прощается со своим конем, касаясь его морды ладонью левой руки (в правой держит, возможно, угощение). В греческой погребальной пластике много примеров прощального смысла в касании рукой⁷⁰. Боспорские женщины как горожанки, понятное дело, лишены сентиментальной любви к лошадям, но и тут есть пара занятных образцов: лошадь всадника тянется мордой к хозяйке (КБН-альбом, № 438, 524), на трёхбратнем рельефе это выражено обоюдно – и лошадь тычется мордой к хозяйке, и она касается её рукой. Одета трёхбратняя «амазонка» по-скифски: свободное платье с открытым воротом, на голове стефана с покрывалом. У богинь же на мерджанском ритоне да карагодеуашхской пластине неременный плащ, так что трёхбратняя скифянка одета не «по-божески». Как видно, показанные на рельефе бытовые мелочи не состыкуются с вдохновенной, но ложной его интерпретацией адептами семиотической да мифологической отмычек к пониманию изображений такого рода, которые годятся для толкования скифского звериного стиля, но не рельефов на каменных надгробиях Боспора. Глазу искусствоведа сразу видно, что трёхбратний рельеф не про людей, а про лошадей: они на переднем плане, занимают 2/3 высоты рельефа, их больше, чем людей – 5, три человеческие фигуры не в рост, а лишь бюсты, показанные на втором плане. Это означает, что покойная скифянка была лошадицей, именно в память о своих лошадях она и заказала столь необычно большой по боспорским меркам рельеф (h 2,6, lat. 1,6 м). Конкретная лошадь запечатлена и на рельефе стелы I в. н.э. КБН 383 с надписью «Деметрий, сын Аполлония, прощай». Над эпитафией два рельефа, большой и малый. На большом показан фронтально стоящий в рост брадатый воин со щитом да копьем (скорее всего Аполлоний), слева от него на пьедестале конная статуя – превосходно изваянная лошадь с всадником-мальчиком (видимо, Деметрий). Ниже малый рельеф, на котором единственно представлен жеребёнок. Этот памятник равно поставлен и мальчику, и жеребёнку.

⁶⁸ Савостина 1995, 110-119.

⁶⁹ Вертиенко 2013, 443-449.

⁷⁰ Например: Kaltsas 2002, 188, 191, 195 etc.

Рис. 16. Рельеф и надпись КБН 478. Фото А.И. Болтуновой. Архив ИА РАН.

Fig. 16. Relief and inscription CIRB 478. Photo by A.I. Boltunova. Archive of the Institute of Archaeology RAS).

Итак, два десятка боспорских стел с изображением женщины в кресле и предстоящим всадником представляют конкретных людей, имена которых упоминаются в эпитафиях под рельефами. Все это, как мы показали в статье 2019 г., свойственно и первому артезианскому рельефу – прощальная сцена погибшего всадника Состибия со своей женой (рис. 8)⁷¹. Все это есть на таком же рельефе и третьей артезианской стелы с эпитафией, в которой помянуты муж да жена. Как недостоверна интерпретация рельефов с женщиной в кресле и предстоящим всадником А.П. Ивановой да её последователями, так ошибочно и понимание его С.Ю. Сапрыкиным: не богиня на нём да героизированный покойник, но конкретные люди, чьи имена указаны в надписях под рельефом. Это горестное прощание супругов.

Особого внимания заслуживает высокохудожественная сцена на рельефе Омпсалака Сидавхавича из Пантикапея КБН 478 (рис. 16). В отличие от ремесленно выполненных рельефов на артезианских стелах Состибия да Омпсатиса, исполнитель пантикапейского (столичного!) рельефа КБН 478 мастеровит. Посредством горельефа фигурам придана скульптурная объемность, они почти реальны; изображения коня, всадника, женщины пластичны, в особенности объемный круп коня, округло тугие бедра всадника, полная грудь и руки молодой или зрелой жен-

⁷¹ Яйленко 2019, 151–155.

щины. Тем самым фигуры наполнены жизнью, а при том, что рельеф надгробный, этим подчеркнута губительность смерти (идеями такого рода одухотворены тысячи мастеровито исполненных надгробных рельефов Греции). Жизненность сцены усугублена и умелым противопоставлением статики коня да кресла диагональному движению мужской фигуры (диагональное движение всегда активно): обычно на надгробных рельефах всадник изображен с прямой посадкой, но Омпсалак клонится всем телом к жене, и движение его порывисто (ср. сухо трактованный рельеф стелы КБН 893, на котором женщина сидит в кресле прямо, со склоненной головой, а всадник откинулся назад). Обычно сидящие в кресле дамы греческих рельефов придерживают приподнятой на уровне груди, плеча, шеи или челюсти левой рукой (при расположении фигуры на рельефе слева, как здесь) край плаща (этот жест выражает их скромность). Хотя большая часть лица и правой руки жены Омпсалака утрачены, все же видно, что правая рука её поднята высоко, к челюсти, и край плаща, несогласно с обыкновением, прикрывал правую часть её лица. В результате, при том, что лицо её в трехчетвертном повороте к зрителю, она, по существу, не видит мужа. Этой нестандартной деталью мастер придал сцене большой градус психологического напряжения: муж порывисто подался к жене, а она в отчаянии закрыла краем плаща половину лица, уже не в силах смотреть на мужа в своем последнем свидании с ним. Перед нами редкий в боспорской надгробной пластике образец передачи психологического состояния покойных как живых и близких друг другу супругов.

Отметим любопытное соотношение рельефов с изображением женщины в кресле и предстоящего всадника: на всем Боспоре их 18 (КБН-альбом, 352, 413, 414, 438, 478, 502, 524, 578, 689, 893, 906, 908, 930, 932, 1025, 1032, 1085, также стела Таллона из Горгииппии), на Артезиане 3⁷². Объяснение избранной на надгробных стелах данной сцены, по нашему мнению, кроется в раскрытой выше принадлежности упоминаемых эпитафиями лиц к одному роду. На это указывает сохранение сей традиции и на стелах первой половины I в. н.э. (третья эпитафия да анэпиграфная стела прим. 7), и на стеле Состибия II в. н.э. Обратим внимание также на присутствие одних и тех же имён на иных стелах с такой сценой. В эпитафиях КБН 413, 414 из Пантикапея упоминается одно имя – Ἡλῖος, в эпитафиях КБН 930, 932 из Нимфея одно имя Μαστοῦς (все четыре надписи I в. н.э.)⁷³; каждая пара, несомненно, принадлежит к одному роду, и в обоих сих родах, как видим, это излюбленный тип надгробия.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон, М.Г., Винокуров, Н.И., Трейстер, М.Ю. 2012: Два клада монет и ювелирных изделий времени римско-боспорской войны 45–49 гг. с городища Артезиан. *ВДИ* 3, 93–146
- Абрамзон, М.Г., Винокуров, Н.И., Трейстер, М.Ю. 2014: Хронологические индикаторы и проблемы интерпретации слоя римско-боспорской войны городища Артезиан. В сб.: В.Н. Зинько (ред.), *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности*

⁷² Первая и третья эпитафии, также анэпиграфная стела, упомянутая выше, в прим. 7 (третья по счету).

⁷³ Однотипен и формуляр эпитафий, но он обычен.

- и средневековья. Актуальные проблемы хронологии* (XV Боспорские чтения). Керчь, 5–16.
- Алексеева, Е.М. 2018: Антропоморфные «надгробия» некрополя Горгиппии. *ДБ* 22, 9–23.
- Кошеленко, Г.А. и др. (ред.) 1984: *Античные государства Северного Причерноморья*. М.
- Артамонов, М.И. 1961: Антропоморфные божества в религии скифов. *АСГЭ* 2, 57–87.
- Белоусов, А.В., Сапрыкин, С.Ю. 2018: Ещё раз о публикации надписей с городища Артезиан на Боспоре. *Аристей* 18, 246–269.
- Бессонова, С.С., Кирилин, Д.С. 1977: Надгробный рельеф из Трёхбратнего кургана. В кн.: Б.Н. Мозолевский и др. (ред.), *Скифы и сарматы*. Киев, 128–139.
- Болтунова, А.И., Книпович, Т.Н. 1962: Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре. *НЭ* 3, 3–31.
- Винокуров, Н.И. 2002: Новые изображения всадников на Боспоре. *ДБ* 5, 70–85.
- Винокуров, Н.И. 2003: Граффити из раскопок античных памятников урочища Артезиан в крымском Приазовье. *ПИФК* 13, 151–192.
- Винокуров, Н.И. 2004: Плита с монограммами и тамгообразными знаками, найденная при раскопках «Цитадели» городища Артезиан. *ДБ* 7, 79–88.
- Винокуров, Н.И. 2013: Городище Артезиан во второй половине I в. до н. э. — первой половине I в. н. э. *Российский научный журнал* 1 (32), 30–40.
- Винокуров, Н.И. 2019: Исследование строительных остатков поздней цитадели на городище Артезиан в 2015–2017 гг. *ДБ* 24, 92–113.
- Винокуров, Н.И., Чореф, М.М. 2021: К атрибуции символов на плите, найденной при раскопках Цитадели городища Артезиан в 2000 г. *Stratum plus* 6, 207–218.
- Гафуров, А. 1987: *Имя и история*. М.
- Доватур, А.И. 1965: Краткий очерк грамматики боспорских надписей. В кн.: *КБН* 797–831.
- Иванова, А.П. 1951: Керченская стела с изображением всадника и сидящей женщины. *КСИИМК* 39, 27–35.
- Коков, Д.Н. 2001: *Избранные труды*. Т. 2. Нальчик.
- Король, Д.А. 2005: Мотив «всадника» и «встречающей богини» на погребальных камнях Скандинавии и Северного Причерноморья. В сб.: А.В. Евглевский (ред.), *Структурно-семиотические исследования в археологии*. Донецк 2, 331–344.
- Королькова, Е.Ф. 2009: Великая богиня, божественный всадник и загадочные энареи: попытка интерпретации. В кн.: А.Г. Фурсев (ред.), *Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем*. СПб., 11–27.
- Крюков, М.В. 1980: Личное имя и термины родства. В кн.: Э.М. Мурзаев и др. (ред.), *Топонимика Востока*. М., 27–31.
- Кумахов, М.А. 1981: *Сравнительно-историческая фонетика адыгских (черкесских) языков*. М.
- Подмаскин, В.В., Старцев, А.Ф. 1988: Удэгейские имена. В кн.: А.В. Суперанская (ред.), *Ономастика. Типология. Стратиграфия*. М., 209–221.
- Попова, Е.А. 1974: Рельеф с городища «Чайка». *СА* 4, 222–230.
- Раевский, Д.С. 1977: *Очерки идеологии скифо-сакских племен*. М.
- Расторгуева, В.С., Молчанова, Е.К. 1981: Среднеперсидский язык. В кн.: В.С. Расторгуева (ред.), *Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки*. М., 6–146.
- Ростовцев, М.И. 1913–1914: *Античная декоративная живопись на юге России*. СПб. (1913 – атлас, 1914 – текст).
- Ростовцев, М.И. 1990: Иранский конный бог и юг России. *ВДИ* 2, 192–200.
- Руденко, С. И. 1952: *Горноалтайские находки и скифы*. Л.
- Савостина, Е.А. 1995: Тема надгробной стелы из Трёхбратнего кургана в контексте античного мифа. *Историко-археологический альманах* 1, 110–119.
- Сапрыкин, С.Ю., Винокуров, Н.И., Белоусов, А.В. 2014: Городище Артезиан в Восточном Крыму. *ВДИ* 3, 134–162.

- Мелюкова, А.И. (ред.) 1989: *Стены Европейской части СССР в скифо-сарматское время*. М.
- Тохтасьев, С.Р. 2013. Иранские имена в надписях Ольвии I–III вв. н.э. В кн.: П.Б. Лурье и др. (ред.), *Commentationes Iranicae*. СПб., 565–607.
- Шайхулов, А.Г. 1991: Тематические группы татарских и башкирских личных имен до-исламского периода. В кн.: М.Э. Рут (ред.), *Номинация в ономастике*. Свердловск, 137–142.
- Яйленко, В.П. 2010: *Тысячелетний Боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н.э. – V в. н.э.* М.
- Яйленко, В.П. 2015: Топонимика и этнонимия античного Боспора. *ДБ* 19, 386–458.
- Яйленко, В.П. 2017: О публикации надписей с городища Артезиан в Восточном Крыму. *МАИАСК* 9, 523–548.
- Яйленко, В.П. 2017а: *История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса и Боспора VII в. до н.э. – VII в. н.э.* СПб.
- Яйленко, В.П. 2017 б: Топонимика античного Крыма. *БИ* 35, 3–88.
- Яйленко, В.П. 2019: Эпиграфические заметки. I. О публикации надписей Артезиана. II. Текстология и просодика ольвийского гимна VI в. до н.э. к Гилее. III. В защиту вотива IOSPE I² 188 из ОАМ. *БИ* 39, 117–209.
- Яйленко, В.П. 2020: Женщина в кресле и всадник: интерпретации от М.И. Ростовцева до ныне. *БФ* 1, 158–168.
- Яценко, С.А. 1992: Антропоморфные изображения Сарматии. В кн.: В.Х. Тменов (ред.). *Аланы и Кавказ*. Владивосток; Цхинвал, 189–214.
- Яценко, С.А. 1995: О сармато-аланском сюжете росписи на пантикапейском «склепе Анфестения». *ВДИ* 3, 188–194.
- Abramzon, M.G., Treister, M.Y., Vinokurov, N.I. 2012: Two Hoards of Coins and Jewellery Items from the Time of the Roman-Bosporan War of AD 45–49 from the Site of Artezian. *ACSS*. 18. 2, 207–278.
- Bartholomae, Chr. 1904: *Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg.
- Gardthausen, V. 1913: *Griechische Palaeographie*. Bd. 2. Leipzig.
- Hansen, B. 1958: *Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Eigennamen*. Berlin.
- Justi, F. 1895. *Iranisches Namenbuch*. Marburg.
- Kaltsas, N. 2002: *Sculpture in the National Archaeological Museum, Athens. Catalogue*. Athens.
- Pape, W., Benseler, G.E. 1884: *Wörterbuch der griechischen Eigennamen*. Braunschweig.
- Rostovtzeff, M. 1919: Le culte de la Grande Déesse dans la Russie Méridionale. *Revue des études grecques* 32, 462–481.
- Zgusta, L. 1955: *Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste*. Praha.

REFERENCES

- Abramzon, M.G., Vinokurov, N.I., Treister, M.Yu. 2012: Dva klada monet i yuvelirnykh izdeliy vremeni rimsko-bosporskoy voyny 45–49 godov s gorodishcha Artezian [Two hoards of coins and jewelry from the Roman-Bosporan War of 45–49. from the settlement of Artezian]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 93–146.
- Abramzon, M.G., Vinokurov, N.I., Treister, M.Y. 2014: Khronologicheskie indikatory i problemy interpretatsii sloya bosporo-rimskoy voyny gorodishcha Artezian [Chronological indicators and interpretation of the layer of the Roman-Bosporan war of the Artezian settlement]. In *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekovya. Aktualnye problemy khronologii* [Bosporus Cimmerian and the barbarian world in Antiquity and the Middle Ages. Relevant problems of chronology] (XV Bosporskie chteniya [Bosporan Readings]). Kerch, 5–16.

- Alekseeva, E.M. 2018: Antropomorfnye "nadgrobiya" nekropolya Gorgippii [Anthropomorphic "funeral stones" from necropolis of Gorgippia]. *Drevnosti Bospora* [The Bosporan antiquities] 22, 9–23.
- Koshelenko, G.A. et al. (eds.) 1984: *Antichnye gosudarstva Severnogo Prichernomor'ya* [Ancient states of the North Pontic Region]. Moscow.
- Artamonov, M.I. 1961: Antropomorfnye bozhestva v religii skifov [Anthropomorphic deities of Scythian religion]. *Arkheologicheskii sbornik gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological collection of the papers of the State Hermitage] 2, 57–87.
- Bartholomae, Chr. 1904: *Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg.
- Belousov, A.V., Saprykin, S.Yu. 2018: Eshche raz o publikatsii nadpisey s gorodishcha Artezian na Bospore [Once again on publication of the inscriptions from the Bosporan settlement Artezian]. *Aristey* 18, 246–269.
- Bessonova, S.S., Kirilin, D.S. 1977: Nadgrobnyy rel'ef iz Trekhbratnego kurgana [The funeral relief from the Trekhbratniy borrow]. In B.N. Mozolevskiy et al. (eds.), *Skify i sarmaty* [The Scythians and Sarmatians]. Kiev, 128–139.
- Boltunova, A.I., Knipovich, T.N. 1962: Ocherk istorii grecheskogo lapidarnogo pisma na Bospore [A sketch of the Greek lapidary writing on Bosporus]. *Numizmatika i epigrafika* [Numismatics and Epigraphy] 3, 3–31.
- Gafurov, A. 1987: *Imya i istoriya* [Name and history]. Moscow.
- Gardthausen, V. 1913: *Griechische Palaeographie*. Bd. 2. Leipzig.
- Dovatur, A.I. 1965: Kratkiy ocherk grammatiki bosporskikh nadpisey [A brief essay of a grammar of the Bosporan inscriptions]. In V.V. Struve (ed.), *Korpus bosporskikh nadpisey* [Corpus of the Bosporan inscriptions]. Moscow–Leningrad, 797–831.
- Hansen, B. 1958: *Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Eigennamen*. Berlin.
- Ivanova, A.P. 1951: Kerchenskaya stela s izobrazheniem vsadnika i sidyachshey zhenshchiny [The Kertch stele with representation of a horseman and a seating woman]. *Kratkie soobshchenia Instituta istorii material'noy kul'tury* [Brief Communications of the Institute of Material Culture] 39, 27–35.
- Justi, F. 1895. *Iranisches Namenbuch*. Marburg.
- Kaltsas, N. 2002: *Sculpture in the National Archaeological Museum, Athens. Catalogue*. Athens.
- Kokov, D.N. 2001: *Izbrannye trudy* [The selected works]. Vol. 2. Nalchik.
- Korol, D.A. 2005: Motiv "vsadnika" i "vstrechayushchey bogini" na pogrebal'nykh kamnyakh Skandinavii i Severnogo Prichernomor'ya [A motif of "a horseman" and of "a meeting deity" on the funeral stones of Scandinavia and North Pontic area]. In A.V. Evglevskiy (ed.), *Strukturno-semioticheskie issledovaniya v arkeologii* [The structure-semiotic investigations in archaeology]. Donetsk. 2, 331–344.
- Korolkova, E.F. 2009: Velikaya boginya, bozhestvennyi vsadnik i zagadochnye enarey: popytka interpretatsii [A grate deity, divine horseman and enigmatic enareeis: an attempt of interpretation]. In A.G. Furasyev (ed.), *Gunny, goty i sarmaty mezhdur Volgoy i Dunaem* [The Huns, Goths and Sarmatians between the rivers Volga and Danube]. Saint Petersburg, 11–27.
- Kryukov, M.V. 1980: Lichnoe imya i terminy rodstva [A private name and the terms of kinship]. In E.M. Murzaev (ed.), *Toponimika Vostoka* [A toponymics of the East]. Moscow, 27–31.
- Kumakhov, M.A. 1981: *Sravnitel'no-istoricheskaya fonetika adygskikh (cherkesskikh) yazykov* [A comparative-historical phonetics of the Adigei (Cherkessian) languages]. Moscow.
- Pape, W., Benseler, G.E. 1884: *Wörterbuch der griechischen Eigennamen*. Braunschweig.
- Podmaskin, V.V., Startsev, A.F. 1988: Udegeyskie imena [The Udegean names]. In A.V. Superanskaya (ed.), *Onomastika. Tipologiya. Stratigrafiya* [Onomastics. Typology. Stratigraphy]. Moscow, 209–221.
- Popova, E.A. 1974: Rel'ef s gorodishcha Chaika [The relief from the settlement Chaika]. *Sovetskaya arkeologiya* [The Soviet archaeology] 4, 222–230.

- Raevskiy, D.S. 1977: *Ocherki ideologii skifo-sakskikh plemen* [The sketches on ideology of the Scythian-Saka tribes]. Moscow.
- Rastorgueva, V.S., Molchanova, E.K. 1981: Srednepersidskiy yazyk [The middle Persian language]. In V.S. Rastorgueva (ed.), *Osnovy iranskogo yazykoznaniya. Sredneiranskie yazyki* [The patterns of Iranian linguistics. The middle Iranian languages]. Moscow, 6–146.
- Rostovtsev, M.I. 1913–1914: *Antichnaya dekorativnaya zhivopis' na yuge Rossii* [An ancient decorative painting in the Southern Russia]. Saint Petersburg.
- Rostovtsev, M.I. 1990: Iranskiy konnyi bog na yuge Rossii [An Iranian horsed god in the Southern Russia]. *Vestnil drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 192–200.
- Rostovtzeff, M. 1919: Le culte de la Grande Déesse dans la Russie Méridionale. *Revue des études grecques* 32, 462–481.
- Rudenko, S.I. 1952: *Gornoaltayskie nakhodki i skify* [The Mountain Altai finds and the Scythians]. Leningrad.
- Savostina, E.A. 1995: Tema nadgrobnoy stely iz Trekhbratnego kurgana v kontekste antichnogo mifa [A motif of the funeral stele from Trekhbratnyi borrow in a context of ancient myth]. *Istoriko-arkheologicheskiy al'manakh* [A historic-archaeological anthology] 1, 110–119.
- Saprykin, S.Yu., Vinokurov, N.I., Belousov, A.V. 2014: Gorodische Artezian v Vostochnom Krymu [The settlement Artezian in East Crimea]. *Vestnil drevney istorii* [Journal of ancient history] 3, 134–162.
- Melyukova A.I. et al. (eds.) 1989: *Stepi Evropeyskoy chaste SSSR v skifo-sarmatskoe vremya* [The steppes of the European part of the USSR in a Scythian–Sarmatian time]. Moscow. (Arkheologiya SSSR [Archaeology of USSR]).
- Tokhtasiev S.R. 2013: Iranskies imena v nadpisyakh Ol'vii I–III vekov nashey ery [Iranian names in the inscriptions from Ol'bia in the 1st–3rd centuries AD]. In P.B. Lurie et al. (eds.), *Commentationes Iranicae*. Saint Petersburg, 565–607.
- Shaikhulov, A.G. 1991: Tematicheskie gruppy tatarskikh i bashkirskikh lichnykh imen doislamskogo perioda [Thematic groups of the Tatar and Bashkir personal names of preislamic time]. In M.E. Rut (ed.), *Nominatsia v onomastike* [Nomination in onomastics]. Sverdlovsk, 137–142.
- Vinokurov, N.I. 2002: Novye izobrazheniya vsadnikov na Bospore [New representations of horseman on Bosphorus]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosphorus] 5, 70–85.
- Vinokurov, N.I. 2003: Graffiti iz raskopok antichnykh pamyatnikov urochishcha Artezian v krymskom Priazov'e [Graffiti from the excavations of ancient sites of the Artesian tract in the Crimean Azov region]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 13, 151–192.
- Vinokurov, N.I. 2004: Plita s monogrammami i tamgoobraznymi znakami, naidennaya pri raskopkakh "Tsitadeli" gorodishcha Artezian [A slab with monograms and tamga-like signs found during the excavations of the "Citadel" of the Artesian settlement]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosphorus] 7, 79–88.
- Vinokurov, N.I. 2013: Gorodishche Artezian vo vtoroy polovine I v. do n. e. – pervoy polovine I v. n. e. [Artesian settlement in the second half of the 1st century BC – the first half of the 1st century AD]. *Rossiyskiy nauchnyy zhurnal* [Russian Scientific Journal] 1 (32), 30–40.
- Vinokurov, N.I. 2019: Issledovanie stroitel'nykh ostatkov pozdney tsitadeli na gorodishche Artezian v 2015–2017 gg. [Investigation of the construction remains of the late citadel at the Artesian settlement in 2015–2017]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosphorus] 24, 92–113.
- Vinokurov, N.I., Choref, M.M. 2021: K atributsii simvolov na plite, naydennoy pri raskopkakh tsitadeli gorodishcha Artezian v 2000 g. [Attribution of symbols on a slab found during the excavation of the Citadel of the Artesian settlement in 2000]. *Stratum plus* 6, 207–218.

- Yailenko, V.P. 2010: *Tysiacheletniy Bosporskiy reikh. Istoriia i epigrafika Bospora VI v. do nashey ery – V veka nashey ery* [A thousandyear Bosporan reich. A history and epigraphy of the Bosporus from 6th century BC to 5th century AD]. Moscow.
- Yailenko, V.P. 2015: Toponimika i etnonimiya antichnogo Bospora [A toponymy and ethnonymy of the Ancient Bosporus]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 19, 386–458.
- Yailenko, V.P. 2017: O publikatsii nadpisey s gorodishcha Artezian v Vostochnom Krymu [On publication of inscriptions from the settlement Artezian in the East Crimea]. *Materialy po arkhologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma* [Materials on Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea] 9, 471–483.
- Yailenko, V.P. 2017: *Istoriya i epigrafika Ol'vii, Khersonesa i Bospora VII veka do nashey ery – VII veka nashey ery* [A history and epigraphy of the Olbia, Chersonese and the Bosporus from 7th century BC to 7th century AD]. Saint Petersburg.
- Yailenko, V.P. 2017b: Toponimika antichnogo Kryma [A toponymy of the ancient Crimea]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporos Studies] 35, 3–88.
- Yailenko, V.P. 2019: Epigraficheskie zametki [Epigraphical notes]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporos Studies] 39, 117–209.
- Yailenko, V.P. 2020: Zhenshchina v kresle i vsadnik: interpretatsii ot M.I. Rostovtseva donyne [A sitting woman in the chair and horseman: interpretations from M.I. Rostovtsev up to the present days]. *Bosporskiy fenomen* [Bosporan Phenomenon] 1, 158–168.
- Yatsenko, S.A. 1992: Antropomorfnye izobrazheniya Sarmatii [The anthropomorphic representations from Sarmatia]. In V.Kh. Tmenov (ed.), *Alany i Kavkaz* [The Alanians and the Caucasus]. Vladivostok–Tskhinval, 189–214.
- Yatsenko, S.A. 1995: O sarmato-alanskom syuzhete rospisi na pantikapeyskom “sklepe Anfest-eriya”. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 188–194.
- Zgusta, L. 1955: *Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste*. Praha.

THE THIRD EPITAPH FROM THE ARTEZIAN SETTLEMENT (THE CRIMEAN AZOV REGION)

Nikolay I. Vinokurov¹, Valeriy P. Yaylenko²

¹Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia

²Independent researcher, Moscow, Russia

¹ E-mail: vinokurovn@list.ru

² E-mail: valeryjailenko@gmail.com

Abstract. In 2021, a third limestone tombstone with an epitaph in the foundation of Tower 2 of the Late Citadel was discovered during excavation at the Trench III of Artesian settlement. It was found northeast of the second epitaph and is close to it in chronology and origin. They were moved from the necropolis immediately after the death of the Early Citadel during the Roman-Bosporan War of AD 44/45–49. The slab was broken off from the ends, was face down, strictly horizontally on another well-treated slab, but without an inscription and relief. In addition to the inscription, a relief with a scene of an armed horseman standing in front of a woman sitting in an armchair has also been preserved. Four lines of the epitaph text have been preserved on the front side. The epitaph adds new Greek and barbaric names to the list of military settlers of the early citadel.

Keywords: Bosporan kingdom, Artezian settlement, epitaph, relief showing rider and woman, first half of the 1st century AD.